

КОРНЕЛИЯ ФУНКЕ

ДЕШТАБАШНЫ

КНИГА 3. ЗОЛОТАЯ ПРЯЖА

Корнелия Функе
Золотая пряжа
Серия «Чернильный мир и Зазеркалье»
Серия «Бесшабашный», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14142347

Корнелия Функе. Бесшабашный. Книга 3. Золотая пряжа. История, найденная и записанная Корнелией Функе и Лионелем Виграмом: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2016 ISBN 978-5-389-10896-7

Оригинал: CorneliaFunke, "RECKLESS: DAS GOLDENE GARN"

Перевод:

Ольга Б. Боченкова

Аннотация

Впервые на русском языке – долгожданное продолжение «Бесшабашного», истории не менее завораживающей, чем блестяще экранизированное в Голливуде «Чернильное сердце»! И кстати, между миром «Чернильного сердца» и Зазеркальем «Бесшабашного» гораздо больше общего, чем вам кажется...

Джекобу Бесшабашному повезло: он нашел путь в волшебный мир, стяжал там славу и обрел любовь. Ему удалось спасти брата от чар Темной Феи, а потом спастись от нее и самому. Но Зазеркалье еще таит множество загадок, и вот Бесшабашному снова предстоит отправиться в путь, на этот раз – по следам бегущей Феи, на восток, через Карпатские горы, бескрайние степи, темные леса... туда, где обитает Баба-яга, Серый Волк и птица Сирина – и то, к чему стремится Фея...

Новая книга от автора культовой трилогии «Чернильное сердце», «Чернильная смерть», «Чернильная кровь» и супербестселлера «Король воров».

Содержание

Принц Лунного Камня	6
Союз заклятых врагов	8
По ту сторону зеркала	13
Надежный тайник	16
Должок	20
Клара	24
Окровавленная колыбель	26
Бессонница	30
Прочь	33
Слишком много псов	36
Жили-были	39
Не туда	43
Братский долг	49
На дорогах королевства	54
Слепота	56
Это как пройти через дверь	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Корнелия Функе

Золотая пряжа

© О. Боченкова 2015

© В. Еклерис 2015

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

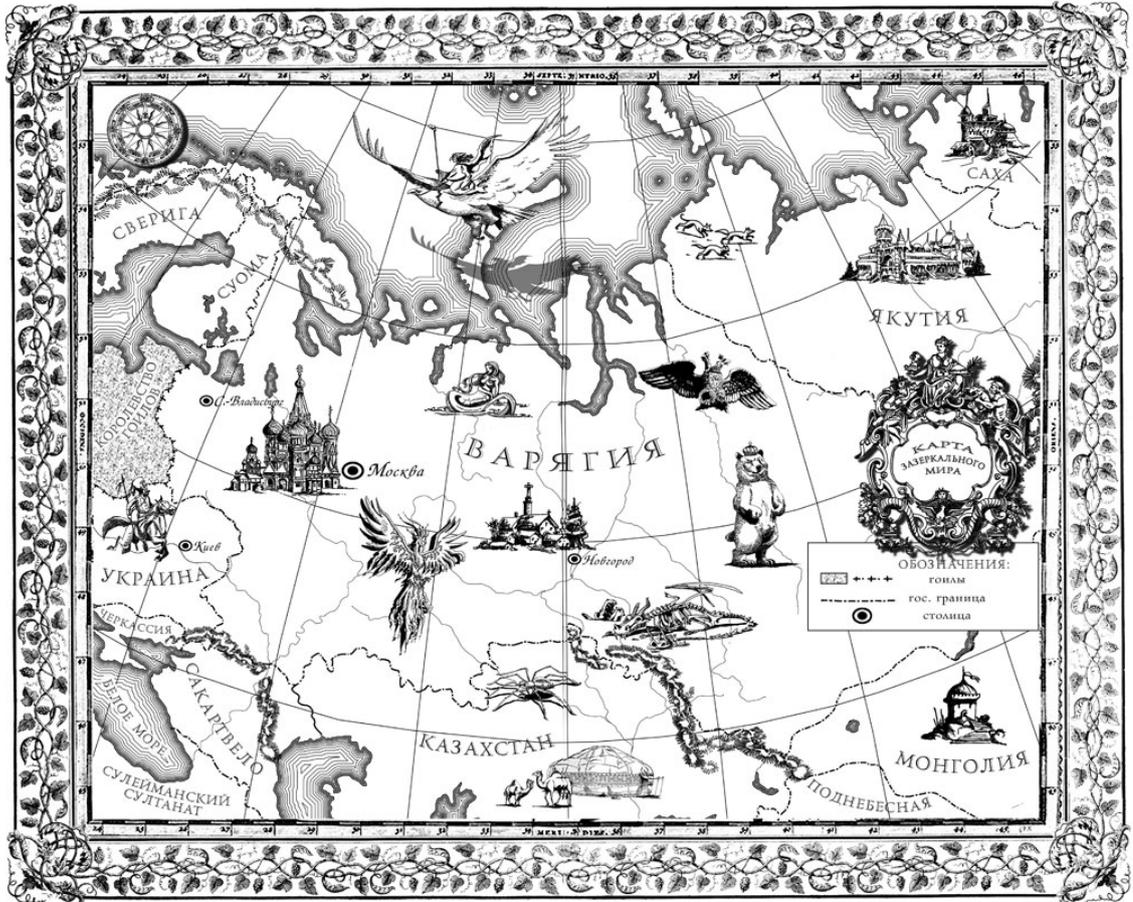
Эта книга посвящается:

Фениксу – Мэтью Каллену и его волшебникам в алфавитном порядке, Магическому букмекеру – Марку Бринну, Всевидящему Оку – Энди Кокрену, Канадцу – Дэвиду Фаулеру, Фее Марины дель Рей – Андриен Мил-Шедвиг, Укротителю магических животных – Энди Меркину.

А также:

Томасу Гэтгенсу, Изотте Поги и – в последнюю очередь лишь благодаря алфавитному порядку – Фрэнсис Терпак, открывшим передо мной и Джекобом сокровищницы исследовательского института Гетти.

Принц Лунного Камня

Кукольная принцесса рожала тяжело. От ее воплей не было спасения даже в саду, где стояла Темная Фея. Каждый крик, доносившийся из дворца, подпитывал ненависть в ее сердце. Темная Фея надеялась, что Амалия умрет. Она желала этого с того самого дня, когда Кмен перед алтарем поклялся в верности Другой – хорошенькой принцессе в залитом чужой кровью подвенечном платье.

Но ведь было еще дитя, заставлявшее нежный ротик Амалии исторгать столь чудовищные звуки. Лишь колдовство Темной Феи поддерживало в нем жизнь все эти месяцы. Ребенок, которого не должно было быть.

«Ты спасешь его для меня. Обещай». Каждое их свидание начиналось с этой просьбы. Только ради ребенка Кмен и ложился в постель к Амалии. Эти ночи лишали его сил.

О, как же она кричала! Как будто младенца вырезали из нее ножом. Из ее мягкого тела, ставшего желанным только благодаря лилиям фей. Убей же ее, Принц-без-кожи. Собственно, что дает ей право называться твоей матерью? Ты бы сгнил в ее чреве, как яблоко, если бы не защитный кокон, сплетенный из чар. Сын. Темная Фея уже видела его во сне.

На этот раз Кмен не явился лично просить ее помощи. Вместо этого он подослал своего верного пса, яшмового истукана с молочными глазами. Хентцау остановился перед Феей, как всегда избегая ее взгляда.

– Повитуха сказала, что она теряет ребенка.

Зачем фея пошла за ним?

Только ради принца.

То, что сын Кмена решил появиться на свет ночью, наполняло ее сердце тихой радостью. Амалия боялась темноты. В ее спальне горело не меньше дюжины газовых ламп, их матовый свет резал глаза ее мужу.

Кмен стоял возле кровати жены. Он обернулся, когда слуга распахнул дверь перед королевской любовницей. На миг Фее показалось, что глаза Кмена вспыхнули. Любовь, надежда, страх – опасное смешение чувств в королевском сердце. Но на каменном лице не отразилось ничего. Сейчас Кмен, как никогда, походил на статую, какие устанавливало ненавистное ему людское племя в честь своих правителей.

Когда Фея приблизилась к роженице, повитуха со страху опрокинула таз с кроваво-красной жидкостью, а толпа докторов – гоилов, людей и карликов – отшатнулась. Черные сюртуки делали ученых мужей похожими скорее на стаю воронов, слетевшихся на запах смерти, чем на предвестников новой жизни.

На опухшем лице Амалии застыл ужас. Длинные ресницы вокруг фиалковых глаз слиплись от слез. Глаза, дарованные лилиями фей. Темная Фея смотрелась в них, как в воду, некогда ее породившую.

– Исчезни, – прохрипела Амалия. – Что тебе здесь нужно? Или это он послал за тобой?

Фея уже представляла себе, как потухают нежные фиалковые очи, как увядает и холодеет кожа, которой касались в ласке пальцы Кмена... Она улыбнулась и тут же отогнала сладостное видение прочь. Увы, такое невозможно, ведь тогда Другая унесет с собой ребенка.

– Я знаю, что мешает тебе разродиться, – прошептала Фея. – Ты просто боишься его увидеть. Но я не позволю принцу задохнуться в твоём смертном чреве. Скорее велю вырезать его оттуда.

Как эта кукла на нее уставилась! Чего было больше в этом взгляде – ненависти, страха или ревности? Или давали о себе знать иные, еще более ядовитые плоды любви?

Когда же Амалия наконец выдавила из себя младенца, повитуха невольно скривилась. Народ давно уже прозвал его Принцем-без-кожи, но как раз кожа стараниями Феи у него была. Твердая и гладкая, как лунный камень, и такая же прозрачная, она не скрывала ничего – ни единой пульсирующей жилки, ни единой косточки крохотного черепа, ни одной мышцы или сухожилия, ни пятнышка на глазном яблоке.

Сын Кмена был ужасен, как сама смерть. Или как ее только что народившееся дитя.

Амалия застонала и спрятала лицо в ладонях. Но Кмен, единственный из всех, смотрел на новорожденного без отвращения. Поэтому Фея взяла склизкое тельце и принялась гладить шестипальными руками, пока кожа мальчика не окрасилась в матово-красный, как у его отца, цвет. Несколько прикосновений к крохотному личику – и присутствующие глаз не могли отвести от очаровательного маленького принца. Амалия протянула к нему руки, но Фея передала ребенка Кмену и тут же направилась к двери, ни разу не оглянувшись. Король не стал ее удерживать.

Фея задыхалась и на полпути вышла на балкон глотнуть свежего воздуха. Она вытирала дрожащие руки о платье, пока не перестала чувствовать на пальцах теплое тельце принца.

Ребенок. В ее родном языке давно уже не существовало такого слова.

Союз заклятых врагов

Однажды Джон Бесшабашный уже удостоивался аудиенции у Горбуна. Правда, тогда у него было иное имя и иное лицо. Неужели он здесь всего пять лет? Трудно поверить, хотя за этот срок Джон узнал много нового о времени. О днях, которые растягиваются на годы, и годах, сменяющих друг друга так же быстро, как дни.

– Значит, эти будут лучше?

Принц Луи широко зевнул, прикрывая ладонью рот, и Горбун недовольно поморщился. Диагноз Луи, летаргия Белоснежки, давно уже ни для кого не был секретом. Правда, при дворе замалчивали, где и когда кронпринц подцепил этот недуг (из уважения к техническому прогрессу действие черной магии называли не иначе как болезнью). Однако в парламенте Альбиона уже всю обсуждали опасности и преимущества, которые повлечет за собой появление на троне Лотарингии короля, в любой момент готового провалиться в многочасовой беспробудный сон.

К кому только не обращался Горбун! По сведениям альбийской разведки, он просил помощи даже у ведьм-деткоежек. Но Луи все так же зевал каждые десять минут, прикрывая лицо рукавом бордового камзола.

– Слово Уилфреда Альбийского тому порукой, если недостаточно моего, – ответил Джон на вопрос короля. – Машины, которые я предлагаю вашему величеству, не только летают быстрее и выше гоильских, но и не в пример лучше вооружены.

Кто-кто, а Джон Бесшабашный мог утверждать это смело, потому что гоильские самолеты тоже изготавливались по его чертежам. Но Горбуну он об этом, конечно, не сказал. Даже Уилфред Альбийский ничего не знал о прошлом прославленного инженера. Новое лицо и имя надежно защищали от нежелательных разоблачений, равно как и от преследований, потому что, по слухам, гоилы до сих пор не оставили надежды разыскать Джона Бесшабашного.

Но новый нос и подбородок – лишь малая часть платы за обретенный покой. Джон Бесшабашный провел годы в гоильских застенках. То, что ему довелось пережить там, до сих пор являлось ему в ночных кошмарах – хорошо еще он привык обходиться лишь несколькими часами сна.

Последние годы многому его научили. Вряд ли убавили спеси и жадности – порой приходится смотреть правде в глаза – и вряд ли прибавили храбрости. Но, даже оставаясь

все тем же эгоистичным, самовлюбленным трусом, Джон Бесшабашный осознал кое-что важное, касающееся как его лично, так и людей вокруг и жизни в целом.

– Даже если генералы вашего величества не считают милитаристские потуги гоилов достойными внимания, Альбион, смею заверить, разделяет мою обеспокоенность, – продолжал Джон. – Именно поэтому парламент и поручил мне представить вашему величеству кое-что из моих последних изобретений.

На самом деле повеление исходило от Уилфреда Альбийского. Упоминание парламента было лишь данью уважения демократическим традициям, которыми так гордился Альбион, несколько не смущаясь тем, что на деле власть в стране по-прежнему оставалась в руках короля и высшего дворянства. Совсем как в Лотарингии, где народ, правда, был настроен куда менее романтически, отчего мятежи вспыхивали в столице один за другим.

Луи снова зевнул. Если верить слухам, кронпринц дурак не только с виду. Глуп, капризен и проявляет такую склонность к жестокости, что это пугает даже его отца. А ведь Шарль Лотарингский стареет, хотя и красит волосы в черный цвет и вообще следит за внешностью.

Джон кивнул гвардейцу, сопровождавшему его от самого Альбиона по личному приказу Моржа, – это прозвище Уилфреда I казалось Джону таким метким, что он опасался ненароком употребить его в беседе со своим венценосным патроном.

Уилфред Альбийский настоял на этой поездке, невзирая на общеизвестное отвращение Джона Бесшабашного к морским путешествиям. Вероятно, Морж полагал, будто в устах известного инженера предложение союза прозвучит более убедительно.

Чертежи, которые гвардеец как раз передавал своему адъютанту, Джон Бесшабашный изготовил специально для этой аудиенции. В случае успеха миссии их оставалось дополнить лишь несколькими необходимыми деталями.

Инженеры Горбуна, конечно же, ничего не заподозрят. Им ли тягаться с техническими возможностями его мира...

– Я назвал их танками. – Джон с трудом удержался от улыбки, видя, с какими лицами склонились над его бумагами лотарингские коллеги. – Против них бессильна даже кавалерия гоилов.

В другой папке Джон представил проект ракеты со взрывающейся боеголовкой. Он даже почувствовал нечто вроде угрызений совести, когда лотарингские инженеры развернули бумаги.

Но в конце концов, он подарил Зазеркалью и немало других изобретений, в том числе и своих собственных, которые сделали здешних обитателей сильнее и здоровее. Кроме того, Джон занимался благотворительностью. Он жертвовал в альбийский сиротский дом и общество защиты прав женщин, словно хотел таким образом загладить свою вину перед Розамундой и сыновьями.

– Но кто будет поставлять нам эти вентили?

Брошенная через зал фраза вернула Бесшабашного к действительности, в мир, где у него не было никаких сыновей, а супруга, дочь левонского дипломата, была пятнадцатью годами моложе его.

– Если их будет поставлять Альбион, – подхватил король мысль одного из своих инженеров, – думаю, остальное мы потянем. Или мне придется отправить своих людей в университеты Лондры и Пендрагона, чтобы подучились?

Инженер изменился в лице, а советник Горбуна смерил Джона холодным взглядом. Каждый в этом зале понимал, что означает ответ короля: отныне союз Альбиона и Лотарингии – дело решенное. Исторический момент. Две нации, которым на протяжении столетий не нужно было искать предлога, чтобы развязать друг против друга войну, объединились против общего врага. Старо как мир.

Теперь Джону оставалось лишь уведомить короля и парламент об успехе дипломатической миссии. Дешу Бешабашный решил написать в замковом саду, хотя там не так-то просто было отыскать скамейку, вблизи которой не просматривалось никаких статуй. С некоторых пор при виде каменных изваяний Джону Бешабашному становилось не по себе – сказывался опыт гоильского плена.

Пока Бешабашный составлял послание, призванное потрясти основы зазеркального мира, его вооруженный охранник развлекался тем, что наблюдал за дамами, прогуливающимися вдоль фигурно подстриженных кустов. Слухи о том, что Горбун задался целью собрать при своем дворе самых красивых женщин королевства, судя по всему, не были преувеличением. Супруг из Шарля Лотарингского никудашный, и эта мысль утешала Джона. Ведь, в отличие от короля, Бешабашный не изменял своей Розамунде, по крайней мере пока в его руки не попало волшебное зеркало. А что до его проделок в Шванштайне, Виенне и Бленхайме, то еще неизвестно, как их оценивать с точки зрения морали его мира. Имело ли здесь место нарушение супружеской верности? Джон вздохнул: да, имело.

Не успел он поставить под дешешей свою подпись – собственноручно модернизированным пером, поскольку ему надоело ходить с перепачканными в чернилах пальцами, – как на белой гравийной дорожке появился человек. Бешабашный заметил его еще в тронном зале, где он стоял рядом с кронпринцем. Нежданный визитер казался не выше рослого карлика и носил старомодного покроя сюртук. Мужчина остановился перед Джоном и поправил съехавшие на кончик носа очки, сквозь толстые стекла которых его глаза казались огромными, как у насекомого. Расширенные зрачки, черные и блестящие, как у жука, усиливали это сходство.

– Месье Брюнель? – Незнакомец отвесил поклон, по его лицу пробежала улыбка. – Позвольте представиться: Арсен Лелу, наставник его высочества кронпринца. Могу ли я, – тут мужчина прокашлялся, словно то, с чем он сюда пришел, застряло у него в горле, – обратиться к вам с просьбой?

– Разумеется. А в чем дело?

В первый момент Бешабашный подумал, что Лелу требуется помощь в разъяснении кронпринцу каких-нибудь технических новинок. Нелегко быть наставником будущего короля в столь стремительно меняющемся мире. Однако просьба Арсена Лелу не имела никакого отношения в новой магии – так называли достижения науки и техники по эту сторону зеркала.

– Вот уже несколько месяцев люди моего венценосного ученика заняты поисками одной особы, состоящей также и на службе альбийского королевского дома. Не могли бы вы при случае обратиться к его величеству от имени его высочества с просьбой посодействовать ее поимке?

Джон Бешабашный невольно посочувствовал упомянутой особе. Он был достаточно наслышан о том, как Луи Лотарингский обращается со своими врагами. Тем не менее Джон решил, что проявить отзывчивость в любом случае будет нелишним.

– Разумеется, – повторил он. – Могу я узнать имя?

– Бешабашный, – ответил Лелу. – Джекоб Бешабашный. Печально известный охотник за сокровищами. Помимо всего прочего, частенько выполнял поручения низложенной императрицы Австрии.

Рука, протягивавшая гвардейцу подписанную дешешу, задрожала, и это не ускользнуло от внимания Арсена Лелу. Джон выругался про себя, негодуя на то, как легко реакция тела выдала его чувства.

– Последствия морских странствий, – объяснил он наставнику. – Огни святого Эльма, видели? Ничего нет ужасней. Пять лет прошло, а все никак не уймется.

Оставалось радоваться, что он вовремя сменил черты лица. Новая внешность Джона даже отдаленно не намекала на родство с Джекобом Бесшабашным.

– Передайте его высочеству, что он может прекратить поиски, – проговорил Джон. – По моим сведениям, Джекоб Бесшабашный погиб при нападении гоилов на альбийский флот.

Джон был рад, что ему удалось сохранить внешнюю невозмутимость. Во всяком случае, по его голосу Арсен Лелу вряд ли заподозрил, что когда-то это известие на несколько дней выбило Бесшабашного из рабочего графика. Он хорошо помнил, как все было. Хлынувшие из его глаз слезы насквозь промочили газету. Джон сначала даже не поверил, что это он разрыдался.

Старший сын... Разумеется, Джон предполагал, что когда-нибудь Джекоб отыщет дорогу в Зазеркалье. Потом он читал в газетах о его подвигах. Тем не менее неожиданная встреча в Голдсмуте обернулась для него настоящим потрясением, хотя новое лицо и на этот раз спасло его, позволив скрыть переполнявшие Джона чувства – внезапный ужас и любовь. Да, любовь. Джон и сам удивился тому, что она не угадала.

Для него не было неожиданностью, что Джекоб последовал за ним. В конце концов, записку со словами, указывающими дорогу, он сам почти преднамеренно «забыл» в книжке. В одном из трудов по химии, который оставил Розамунде в наследство один из ее знаменитых предков. Джон находил забавным, что его старший сын посвятил себя сохранению исторического прошлого этой земли, в то время как сам он указывал ей путь в будущее. Что касается характера, здесь Джекоб скорее пошел в мать. Розамунда всегда подолгу цеплялась за старые вещи и неохотно меняла их на новые.

Имел ли Джон право гордиться сыном, которого бросил? Так или иначе, он собирал газетные вырезки со статьями о подвигах Джекоба и его фотографиями и никому не рассказывал об этой коллекции, даже второй жене. Слез, пролитых им по старшему сыну после известия о гибели, она также не видела.

– Нападение гоилов? – Лелу смахнул муху с бледного лба. – Да, это было ужасно. Эти самолеты слишком часто приносят победу истуканам. Горю нетерпением увидеть тот день, когда ваши машины встанут на защиту нашей священной земли. Благодаря вашему гению Лотарингия сможет наконец дать достойный отпор каменному королю.

Льстивая улыбка наставника напомнила Джону сахарную глазурь, которой ведьмы-детскоежки покрывали порожки своих пряничных домиков. Без сомнения, Арсен Лелу был опасный человек.

– Должен, однако, вас поправить, – продолжал наставник, сияя самодовольством. – Очевидно, секретные службы короля Уилфреда не так всеведущи, как о них говорят. Джекоб Бесшабашный пережил разгром альбийского флота. Я лично имел сомнительное удовольствие видеться с ним спустя несколько недель после этого трагического события. Альбион – родина Бесшабашного, как я слышал. Кроме того, этот охотник за сокровищами нередко прибегает к услугам профессора истории Пендрагонского университета Роберта Данбара в вопросах экспертной оценки предметов старины. Все это делает весьма вероятным его появление при альбийском дворе. В конце концов, там ему дают поручения. Поверьте, месье Брюнель, я не стал бы утруждать вас, не будучи уверенным, что вы сможете помочь крон-принцу.

В голове Джона все смешалось. Новость Лелу обернулась для него новым потрясением. Такого не могло быть, придворный ошибался! В той катастрофе не выжил никто. Джон просматривал списки не меньше десяти раз.

Хотя, собственно, что это меняло? Джон отказался от единственного человека, которого любил, такова цена его новой жизни. Но мысль о возможном прощении ожила еще во мраке гоильских подземелий, точно одно из бесцветных растений, которые выращивает

каменный народ в своих пещерах. А вместе с ней ожила и надежда на то, что любовь, столь легкомысленно отвергнутая Бешабашным-старшим, угасла не окончательно.

Джон все понимал. Мать простит, простит жена, любовница... Сыновья прощают не так легко. Тем более такие упрямы, как этот.

О, Джон достаточно наслышан о его гордости! И бесстрашии.

К счастью, Джекоб был слишком молод, чтобы осознать, что за мелкая душонка его отец. Джон боялся, сколько себя помнил, провала, нищеты, осуждения, собственной слабости и тщеславия. В этом отношении годы плена доставили ему даже некоторое облегчение: наконец-то у него по явилась уважительная причина для страха. Смешно опасаться за свою жизнь, если авария на дороге – самое худшее, что может с тобой приключиться.

– Месье Брюнель?

Наставник все еще стоял перед ним.

Джон выдавил из себя улыбку.

– Я буду прислушиваться, месье Лелу, и дам вам знать, как только что-нибудь разую.

Обещаю.

Черные глаза жука заблестели от любопытства. Арсен Лелу не купился на историю о блуждающих огнях. Джон Брюнель что-то скрывал. В свою очередь, Джон не сомневался, что стоявший перед ним человек являет собой хранилище самых разнообразных тайн и при случае продаст их с наибольшей выгодой для себя.

Однако и Джон знал цену своим секретам.

Он поднялся со скамьи. Нелишне будет напомнить самовлюбленному карлику, что за фигура перед ним.

– Позвольте и мне спросить вас, месье Лелу, проявляет ли ваш царственный ученик интерес к новой магии?

Джекоб часами мог слушать отцовские лекции о функциях переключателей или особенностях того или иного вида батарей, а сейчас все силы положил на возвращение в этот мир старой магии. Или это вызов отцу, пусть даже неосознанный? В конце концов, Джон никогда не делал секрета из того, что его занимают исключительно рукотворные чудеса.

– О да, разумеется, – услышал он голос Лелу. – Кронпринц большой поборник прогресса.

Арсен Лелу сделал честные глаза, но дрогнувший голос подтвердил то, что говорили о Луи при альбийском дворе: ничто, кроме игральных костей и девушек, не в состоянии удерживать внимание будущего лотарингского короля больше пары минут.

Правда, в последнее время, если верить шпионам, в принце развилась страсть к разным видам оружия. Порочная, принимая во внимание его садистские склонности, но, безусловно, отвечающая планам Альбиона укрепить мощь обеих армий.

Ты еще учишь их строить ракеты и танки, Джон...

И неправда, что у Бешабашного нет совести. У всех она есть. Просто ее нелегко слышать среди множества голосов, кричащих наперебой: тщеславия, жажды славы, успеха, наконец... мести. За четыре украденных у него года. Разумеется, гоилы, надо отдать им должное, обращаются со своими узниками не в пример мягче, чем альбийцы, не говоря уже о Горбуне с его методами. Однако Бешабашный жаждал мести, это было сильнее его.

По ту сторону зеркала

Дом, где вырос Джекоб, вздымался в небо выше замковых башен, которых Лиска так боялась в детстве.

Да и сам Джекоб стал здесь другим. Лиса не могла сказать, каким именно, но чувствовала эту разницу так же отчетливо, как между звериной шкурой и человеческой кожей. Последние недели помогли ей понять в нем то, что оставалось для нее загадкой все долгие годы их дружбы.

Устремленные вверх гранитные фасады походили на каменные громады гоильских городов. Притом что этот мир, со всеми нагромождениями стекла и стали, окутанными облаками ядовитых газов и непрекращающимся автомобильным шумом, Лиска воспринимала как подобие колдовского плаща, с которым она и Джекоб на всякий случай никогда не расставались. Дома, улицы... всего по эту сторону зеркала было с избытком.

Только слишком мало леса, чтобы спрятаться.

Попасть в город, где вырос Джекоб, тоже оказалось непросто. Этот мир охранял свои границы построже, чем феи свой остров. Поддельные бумаги, фотография, запечатлевшая ее растерянное лицо, вокзалы, аэропорты – слишком много новых слов.

Лиса летела выше облаков и смотрела на улицы, извивающиеся в ночи подобно огненным змеям.

Забуть такое невозможно. Она утешалась лишь тем, что зеркало, через которое можно перейти из одного мира в другой, не единственное. Скоро она будет дома.

Вот зачем они прибыли в этот дом. Чтобы вернуться и, конечно, увидеться с Уиллом и Кларой. С тех пор как они прошли сквозь зеркало, Джекоб звонил ему пару раз. Последний нефрит давно сошел с кожи Уилла, однако Джекоб понимал, что следы пережитого по ту сторону зеркала так просто не исчезнут и он, Джекоб, тут бессилен. Насколько произошедшее изменило Уилла? Джекоб никогда не задавался этим вопросом вслух, но Лиска чувствовала его тревогу. И сама она, в свою очередь, задумывалась над тем, с каким сердцем ее приятель снова посмотрит в глаза Кларе. Приключения последних месяцев сблизили Лису с Джекобом. Теперь уже не важно, что другая женщина пару раз поцеловала его в прошлом.

Тем не менее...

Джекоб придержал перед Лисой дверь парадной. Таковую тяжелую, что в детстве он едва мог открыть ее без посторонней помощи. Проходя мимо Джекоба, Лиса почувствовал

исходящее от него тепло. Домашнее тепло, которого никто не в силах был ее лишить даже по эту сторону зеркала.

И он был рад ее здесь видеть, она сразу это заметила. Словно обе его жизни встретились. Джекоб давно уже спрашивал Лису, не хочет ли она навестить его в другом мире. Как ни было ей жаль, она отвечала ему отказом.

Пока он обменивался вежливыми фразами с одышливым консьержем, Лиска оглядывала подъезд. Джекоб вырос в самом настоящем дворце, во всяком случае по сравнению с хибарой, где прошло ее детство. Лифт, к которому они направились, так напоминал клетку, что Лиске стало не по себе. Однако она не подала виду, как и тогда, в самолете, где теснота давила невыносимо, несмотря на проплывающие за окном облака.

– Всего одна ночь. – Похоже, Джекоб и по эту сторону зеркала без труда угадывал ее мысли. – Мы вернемся сразу, как только я избавлюсь от этой штуки.

Арбалет. Он носил его в бездонном кисете под рубахой. Кисет оставался волшебным, и это удивляло Джекоба больше всего. До сих пор колдовские вещи теряли силу в чуждом им мире. Возможно, тут сказались особенности эльфийской магии, однако Лискина шкура тоже не утратила способности превращать. Лиска обрадовалась, убедившись в этом. Звериный облик помогал ей не потерять себя и по эту сторону зеркала. Пусть здесь было и нелегко найти место, где можно было бы превратиться, ни у кого не вызывая подозрений.

При выходе из лифта у нее закружилась голова, и Лиска вспомнила дни, когда маленькой взбиралась на чересчур высокие деревья.

Из окна она оглядела мир Джекоба: голые леса из стекла и бетона, печные трубы топорщатся, как тростник. Изнутри каждая похожа на ржавую бочку.

С Уиллом Лиска не встречалась почти год. В ее воспоминаниях он все еще носил нефритовую кожу. Но стоило Уиллу открыть дверь, видения прошлого развеялись, как дурной сон. Для каждого из братьев зеркало уготовило свою судьбу, и дары его оказались совсем непохожими, но ведь в сказочном мире так всегда и бывает...

Одной сестре золотые россыпи, другой – расплавленная смола на голову.

Сам Уилл вряд ли заметил, как переменялся. Зато Клара разглядывала Лиску с таким выражением, словно не могла поверить, что это и есть та самая девушка, с которой она познакомилась там. Я стала старше тебя, хотела сказать ей Лиска, таково действие шкуры. Зверь не молод и не стар, он молод и стар одновременно. Лиса вспомнила, как когда-то доверяла Кларе и как почувствовала себя обманутой, когда застала их с Джекобом. Клару мучили те же мысли, Лиса прочитала это в ее глазах.

Джекоб просил Лиску не говорить ни брату, ни Кларе, какой ценой он вернул Уиллу человеческий облик. Поэтому гонки со смертью остались их с Джекобом тайной. Вместо этого Лиса отвечала на глупые вопросы вроде того, нравится ли ей этот мир.

Она попросила Клару проводить ее в ванную, а на обратном пути увидела дверь в комнату Джекоба. Шкаф с зачитанными почти до дыр книгами, фотографии брата и матери на письменном столе, на крышке которого Джекоб вырезал свои инициалы. Там было кое-что еще – силуэт лисицы. Лиска провела пальцем по заполненным красными чернилами царпинам.

– Все хорошо? – В дверях возник Джекоб.

Лиса в очередной раз вздрогнула, увидев его в одежде этого мира. Что именно выбило ее из колеи? Джекоб рассказывал, что после первых переходов Альма отпаивала его травяными настоями. Но по эту сторону не было ведьм и некому помочь телу приспособиться к фальшивому воздуху.

– Почему бы тебе не вернуться прямо сейчас? Завтра вечером я тебя догоню.

Над кроватью висели фотографии. Но не сепия ее мира, а кричащие, разукрашенные картинки. Изображенные на них лица ни о чем не говорили. До сих пор Лиса не сомневалась,

что знает сердце Джекоба вплоть до самых укромных уголков, а оно оказалось континентом, не исследованным и наполовину. Лиска хотела посетить места, которые Джекоб любил в этом мире, чтобы понять, что именно сделало его таким. Но на первый раз ей хватило. Она и так слишком долго дышала отравленным воздухом.

– Наверное, ты прав, – ответила она Джекобу. – Уилл и Клара поймут, ведь так?

– Конечно. – Он провел рукой по ее лбу.

Уличный шум был слышен и в доме. В голове Лиски словно роились осы.

Комната, где висело зеркало, оказалась почти такой, как она себе представляла. Запыленный письменный стол отца Джекоба, фанерные самолетикки, так похожие на тот, на котором они бежали из гоильской крепости, пистолеты, такие же, как и в ее мире. Или они все-таки оттуда?

– Ты ведь не держишь на нее зла? – Джекоб старался, чтобы это прозвучало как бы между прочим, но Лиска почувствовала, что вопрос долго крутился у него на языке.

– На нее? – Она прекрасно поняла, о ком речь, но не смогла удержаться, чтобы не подразнить его. – Ты имеешь в виду продавщицу из шоколадной лавки? Или девушку, которая продала тебе цветы для Клары?

Джекоб облегченно рассмеялся:

– Пошли Данбару телеграмму, как только будешь в Шванштайне.

Встретив его взгляд, Лиса поняла, с каким удовольствием Джекоб последовал бы за ней.

– И спроси, что ему известно о лесных эльфах. Меня интересует, каковы они, кто их враги, союзники, их магия, слабости – все.

Роберт Данбар имел репутацию одного из самых авторитетных историков Альбиона. Его эрудиция нередко выручала Джекоба. Кроме того, Данбар, наполовину фир-дарриг, прятал под сюртуком крысиный хвост и был обязан Джекобу жизнью.

– Ольховые эльфы? Я вижу, ты вошел во вкус. Хочешь заполучить что-нибудь еще из их магического оружия?

– Нет. Думаю, с меня хватит и арбалета.

По серьезному лицу Джекоба Лиса поняла: он от нее что-то скрывает.

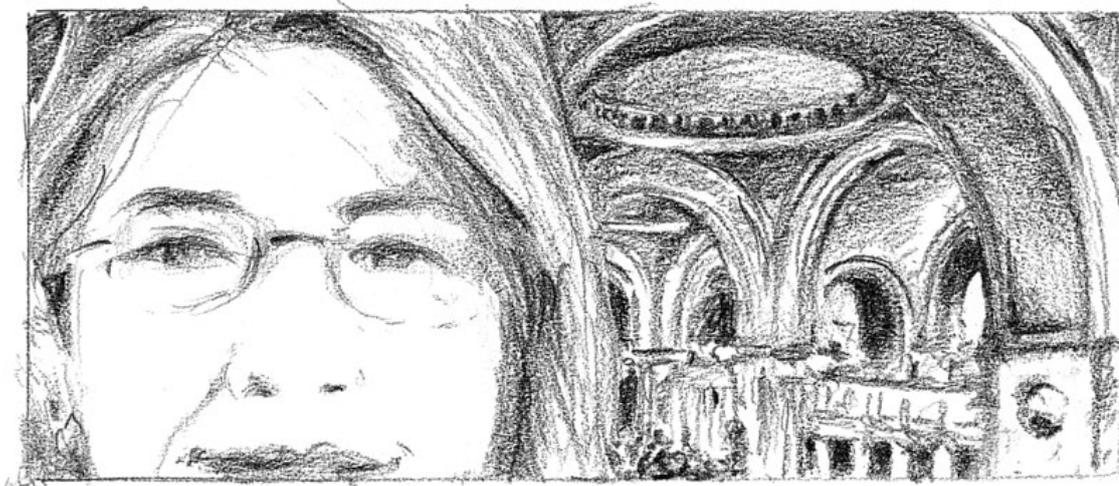
– Есть вещи, которым лучше оставаться найденными, Джекоб. – Неожиданно для себя Лиса повторила фразу, услышанную несколько недель назад от Данбара.

– Не волнуйся. – Он протянул ей сверток с одеждой зазеркального мира. – У меня нет никакого желания разыскивать эльфов. Напротив, я хочу удостовериться, что не встречался с ними до сих пор.

Эльфы определенно все еще где-то существовали, но Лиска не понимала, о каком мире он говорит. Насколько все было проще, пока они с Джекобом оставались по ту сторону...

Когда она шагнула к зеркалу, Джекоб сидел, склонившись над отцовским столом. Сердце Лиски сжалось от тоски, едва она коснулась стекла.

Надежный тайник

Посреди неумолчной городской суеты монументальное здание музея Метрополитен казалось принадлежащим вечности древним храмом. Вот только в честь какого божества его возвели, Джекоб не знал. Двигала ли его создателями любовь к искусству или историческому прошлому или просто непостижимая человеческая страсть к созданию бесполезных, но освященных божественной красотой вещей?

На широкой лестнице толпились подростки в школьной форме. Джекоб не встал, как все, в очередь за билетом, чем вызвал подозрения угрюмого охранника. Но страж оттаял, лишь только услышал имя Фрэн.

Без сомнения, она была единственным руководителем, угощавшим подчиненных хлебом собственной выпечки – по средневековому французскому рецепту – и русским печеньем с грецкими орехами. По эту сторону зеркала Фрэнсис Тюрпак ценили не только как специалиста по старинному оружию.

Для транспортировки арбалета Джекоб одолжил у брата рюкзак. Его собственный до того износился, что больше подходил искателю сокровищ, нежели посетителю музея. А вытаскивать громоздкую смертоносную штуку из бездонного кисета величиной с ладонь Джекоб не решился бы даже при Фрэнсис.

Мечи, сабли, копья, булавы...

Этой коллекцией можно было бы оснастить целую армию. А ведь в витринах, мимо которых вел Джекоба охранник, хранилась лишь малая ее часть.

Сокровищницы занимали верхние этажи – как и во всех современных музеях этого мира. Их оснащение позволяло противостоять разрушительной силе времени, пусть музейные хранилища и выглядели куда менее романтично, чем тайники по другую сторону зеркала.

Лишенные окон помещения, где поддерживалась определенная температура и влажность, были заполнены белыми ящиками с металлическими дверцами. Лучшее место для хранения оружия, которое никогда больше не должно увидеть свет.

Двое сотрудников облачали фигуру всадника в сверкающие золотом доспехи. Фрэн была с ними. Не такая уж простая задача одеть неподвижного рыцаря. Музейщики действовали довольно неуклюже. Фрэн озабоченно морщила лоб.

– Парадное обмундирование, тысяча семьсот тридцать седьмой год, Флоренция, – констатировала она вместо приветствия, как будто каждый день виделась с Джекобом в музейных коридорах. – Его надевали только один раз, на свадьбу герцога. Безвкусно до нелепости, но впечатляет, ты не находишь? Доспехи оказались велики для своего владельца, так что ему пришлось поддеть под них меха и прочее. Должно быть, бедняга чуть не умер от теплового удара. – Фрэн кивнула на одну из витрин. – Копье, которое ты мне продал. Я до сих пор не уверена, что оно происходит из Ливии. Надеюсь, рано или поздно мы проясним этот вопрос. Тем не менее это жемчужина...

Джекоб невольно улыбнулся. Как жаль, что нельзя пригласить Фрэнсис Тюрпак на экскурсию в Зазеркалье.

– Признаюсь, копье не без секрета. – Он поставил рюкзак на мягкую скамью посреди зала, присев на которую посетитель мог отдать должное безымянным мастерам, положившим столько умения и таланта на изготовление орудий убийства. – Но что касается страны происхождения, здесь я тебя не обманул, даю слово.

Ливия она и есть Ливия, что по ту сторону, что по эту. Той, правда, управляет сумасбродный эмир, который топит своих врагов в бочках с розовой водой. Стоит ударить этим копьем о землю, как из нее начнут выползать золотые скорпионы. Именно так его там и использовали.

А здесь? Джекоб бросил взгляд на витрину. Чем черт не шутит, коль скоро сохранили волшебные свойства бездонный кисет и Лискина шкура...

Еще совсем недавно он пожертвовал двумя часами сна, чтобы вспомнить все предметы, которыми он обогатил этот мир за счет Зазеркалья.

Джекоб вытащил из рюкзака арбалет. Глаза Фрэнсис за стеклами черепаховых очков загорелись.

– Двенадцатый век?

– Похоже на то, – согласился Джекоб.

Он не имел ни малейшего понятия о том, когда эльфы изготовили арбалет, но если Фрэн подвергнет деревянный приклад экспертизе, результаты наверняка ошеломят любого музейщика.

Один из мужчин, наряжавших флорентинца, потерял равновесие, и усеянный драгоценными камнями нарукавник грохнулся к ногам Фрэн, чудом ее не задев. Фрэн сердито посмотрела на виновника, но нарукавник сейчас заботил ее мало, не говоря о собственной голове. Все ее внимание было приковано к арбалету. Фрэн прижимала его к груди, словно младенца.

Джекоб поднял нарукавник и взгляделся в инкрустацию.

– Стеклашки.

– А ты чего ожидал? – удивилась Фрэн. – К тому времени потомки успели промотать нажитое предками – обычная история для таких семей. Итальянское дворянство вечно балансировало на грани разорения... Что за орнамент? – Фрэн присмотрелась к серебряной отделке на прикладе арбалета. – Никогда не видела ничего подобного.

– Осторожнее, – предупредил Джекоб. – Не стоит лишний раз прикасаться к нему голыми руками.

– Почему?

– Ну... разное говорят об этом арбалете. Будто в серебро подмешали яд. Или что на нем лежит проклятие, из тех, что действуют даже в наше безбожное время. Так или иначе, его последний владелец лишился рассудка.

«Или превратился в зомби», – мысленно добавил Джекоб. Ему трудно было бы объяснить Фрэн, что именно наделяет подобное оружие магической властью внушать злобу, коварство и решительность убивать.

– Так Джекоб Бесшабашный суеверен? Смотри-ка...

Фрэн недоверчиво ухмыльнулась, и Джекоб смущенно покраснел. Тем не менее она тут же положила арбалет на одну из ближайших витрин.

– Ты ведь добыл его законным путем?

– Фрэн Тюрпак! – На лице Джекоба изобразилось честное негодование. – Или у меня когда-нибудь накладные были не в порядке?

Подделывать документы он научился у самых искусных мошенников Зазеркалья – неотъемлемая часть образования охотника за сокровищами, особенно того, кто сбывает добычу в параллельном мире.

– Все верно. – Фрэн не отрываясь смотрела на арбалет. – Твои накладные всегда идеальны. Даже чересчур.

Опасная тема. Джекоб протянул рабочему нарукавник.

– Странно, – бормотала Фрэн. – Никогда не видела такой тетивы. Если бы я не знала, что такое невозможно, готова была бы поклясться, что она сделана из стекла.

«Ну же, выкладывай все, – говорил ее взгляд. – Что это за оружие?»

Глаза за стеклами очков смотрели с такой пронизательностью, что на какое-то мгновение Джекоб засомневался, правильное ли место он выбрал, чтобы принести эльфийское оружие. Может, удачная сделка с копьём притупила его бдительность?

– Тетива действительно из стекла, – прошептал он. – Очень редкая техника.

– Настолько редкая, что даже я о ней не слышала? – Фрэн поправила очки и снова уставилась на арбалет. – Все это очень странно. Похожий орнамент я как будто видела пару лет назад на рукоятке одного кинжала. Но тот привезли из Англии. Еще одно эльфийское оружие в этом мире? Что это значит? В любом случае ничего хорошего.

– И этот кинжал хранится в вашей коллекции?

– Нет. В частном собрании, насколько я помню. Могу навести справки, если хочешь. Сколько возьмешь за арбалет?

– Я не уверен, буду ли вообще его продавать. Можешь некоторое время придержать его здесь для меня? Торговец, у которого я его выклянчил, безбожно обращается со своими вещами. В болотных захоронениях они были бы в большей безопасности.

Лицо Фрэн омрачилось, как будто Джекоб обвинил торговца в людоедстве. Хотя, возможно, с ее точки зрения, даже каннибализм был меньшим преступлением.

– Признайся, это гангстер. Из тех, что отравляют воздух похлеще выхлопных газов. Кто он? Человек-Репей? Капустный Гном? Будь на то моя воля, всех бы их перестреляла. Но почему ты отказываешься его продавать? – Она кивнула на арбалет. – Ты ведь не настолько сентиментален? Не могу поверить, что ты прикипел сердцем к этой штуке.

О, эта история ей бы понравилась! Замок мертвого короля, водяной, выстрел гоила...

Джекоб застегнул пустой рюкзак:

– Я кое-чем ему обязан, скажем так.

Фрэн взглядела на Джекоба в лицо, словно надеялась прочесть правду на его лбу, но пальцы уже сомкнулись вокруг приклада. Оба они были охотниками за сокровищами. Фрэн тоже посвятила себя сохранению безвозвратно ушедшего прошлого. Точнее, его следов из золота и серебра. Жаль, Джекоб не мог рассказать ей, как стрела пронзила ему грудь и спасла жизнь. Или как этот арбалет уничтожил две армии. Фрэн знала толк в таких историях.

– Хорошо, – кивнула она. – Я пристрою его в хранилище. Ты не против, если его осмотрят наши специалисты?

– Конечно, мне самому было бы интересно выслушать их версию.

...о кузнеце, который мог вытягивать стекло в тетиву. Только вот о лесных эльфах, боюсь, ни одна лаборатория этого мира ничего мне не скажет. Даже такая хорошая, как в музее Метрополитен.

– И надолго ты мне его оставляешь?

– На год, если можно.

За это время он должен выяснить, как уничтожить арбалет. Разумеется, Фрэн о его намерениях ничего не узнает. Они уже пытались – взрывчаткой, огнем, пилой. На арбалете не осталось ни царапины. Только приклад потемнел.

В музее как-то забываешь, в каком мире находишься. Снаружи оглушительный гул сразу вернул Джекоба к действительности, даже голова чуть закружилась. Не то чтобы на улицах Виенны или Лютеции меньше шума, первое время Джекоба удивляло, какой страшный грохот стоит на улицах от всех этих повозок и дрожек. Но за потоками людей, омывающими станции метро и уличные кафе, Джекобу виделись замковые руины и островерхие крыши Шванштайна. Заметив у подножия лестницы Клару, Джекоб от неожиданности врезался в поднимавшегося ему навстречу туриста.

Уилл? Сердце Джекоба забилось сильнее, как всегда при мысли о брате. Смешно, но с некоторых пор каждый недовольный жест или искоса брошенный взгляд напоминал ему о покоях в виеннском дворце, где Уилл чуть было не убил его.

Клара улыбалась, открыто и доверительно. Джекоб замедлил шаг и споткнулся о ступеньку. Если с Уиллом все в порядке, то что она здесь делает?

Ну конечно, Джекоб. О, не будь же таким идиотом. Ты потерял голову, как попавший в ловушку волчонок.

Но лицо у подножия лестницы так и светилось. Они немало пережили вместе. Или это жаворонковая вода обращает все в приятные воспоминания?

На руках Клары Джекоб заметил перчатки. В такую жару, летом?

– И что привело тебя в музей с утра пораньше?

Вполне обычный вопрос не вызвал у него никаких подозрений. Но едва задав его, Клара встала на цыпочки и поцеловала Джекоба в губы.

– Просто делай, что тогда, с единорогами, – шепнула она ему на ухо и толкнула на проезжую часть, в поток несущихся автомобилей.

Вой клаксона, визг тормозов, крик. Вероятно, его собственный.

Джекоб закрыл глаза. Поздно. Хрустнула кость. Рука. На губах остался привкус стекла и металла.

Должок

Тишина обрушилась внезапно, отрезав все звуки, и Джекоб решил, что умер. Но потом он вдруг почувствовал свое тело. И боль в руке.

Открыв глаза, он с удивлением обнаружил, что сидит не на асфальте в луже собственной крови, а на мягком ковре цвета ультрамарин с серебряными вкраплениями, ворсистом и, судя по всему, дорогим.

– Использовать невесту брата в качестве приманки... надеюсь, ты простишь мне эту неуклюжую шутку. Она похожа на вашу мать, хотя ей чего-то недостает... Возможно, таинственности. Но именно этим она и нравится твоему брату, который сыт тайнами по горло.

Джекоб повернулся на голос. Затылок отозвался болью, голову словно пытались расколоть изнутри на части. В нескольких шагах от Джекоба в черном кожаном кресле сидел человек. Такое кресло Джекоб видел в музее, перед которым Клара вытолкнула его на проезжую часть, в зале современного дизайна.

Вставай же, Джекоб. Его мутило – не то от удара о радиатор такси, не то от неподвижного лица Клары, застывшего перед внутренним взором.

На вид незнакомцу было под сорок. Хорош собой, но на какой-то старомодный лад. Такие лица смотрят с портретов кисти Гольбейна или Дюрера. Костюм и рубашка, напротив, самого современного покроя. В мочке уха блеснул крошечный рубин.

– Вижу, ты вспомнил... – Незнакомец тепло улыбнулся.

Норбео Джон Ирлкинг, ну конечно. В тот раз, в Чикаго, голос у него был другой.

– Рубины... – Ирлкинг прикоснулся к мочке уха. – У меня к ним слабость.

– И это твой настоящий облик? – Джекоб выпрямился, придерживаясь за край стола.

– Настоящий? – рассмеялся Ирлкинг. – Громкое слово. Скажем так, он ближе к настоящему, чем тот, что был у меня в Чикаго. Феи делают тайну из своего имени, мы – из облика.

– То есть имя настоящее?

– А что, похоже? Нет, зови меня Игроком. Воин, Кузнец, Писарь... наши имена – не более чем обозначения ремесел.

Джекоб посмотрел за окно.

– Всего в двух шагах от Манхэттена, – угадал его мысли Игрок. – Удивительно, правда? Как легко спрятаться в затерянном уголке города.

Царившее за окном запустение – полуразрушенные здания, наполовину скрытые плющом и дикой растительностью, – являло собой разительный контраст роскошному убранству комнаты. Это был один из уголков, где природа выиграла битву с цивилизацией.

– Вы, смертные, придаете слишком большое значение внешнему. – Игрок встал с кресла и подошел к окну. – Даже животных не так легко обмануть. Пару десятилетий назад мы чуть не обратили на себя ваше внимание, потому что редкая цапля согласится делить остров с нашим народом.

Он затаился сигаретой, сжав ее тонкими пальцами, и выдохнул дым в сторону Джекоба. Шестипалая рука – признак бессмертных.

Внезапно стены комнаты раздвинулись, пространство распахнулось, и Джекоб обнаружил себя посреди замкового зала – с серебряными стенами и люстрами из эльфового стекла. Единственное, что осталось на месте, – дивной красоты скульптура, окончательно убедившая Джекоба в том, с кем он имеет дело. Скульптура изображала дерево, из складок коры смотрело человеческое лицо с разинутым в безмолвном крике ртом.

– Проклятие, – пояснил Игрок. – Приходилось делать хорошую мину при плохой игре, чтобы его последствия казались более-менее сносными. Но это быстро наскучило... – Он затаился еще раз. – Как будто таким образом можно забыть, что мы потеряли.

Между тем за окном из рассеивающегося сигаретного дыма проступали очертания нового пейзажа: силуэты отражающихся в воде зданий... тех и не тех. Ни малейшего намека на Эмпайр-стейт-билдинг... Вероятно, так выглядел Нью-Йорк лет сто тому назад.

– Время, – продолжал Игрок. – Еще одна вещь, к которой вы относитесь слишком серьезно. – Он затушил окурок в серебряной пепельнице, и комната снова стала такой, как в момент пробуждения Джекоба, а за окном опять проступил пейзаж с дикой растительностью и руинами. – Собственно, не такая уж плохая идея – похоронить арбалет в тайниках музея. Откуда тебе было знать, что Фрэнсис Тюрпак моя лучшая подруга, даже если и знает меня в другом обличье. Метрополитен обязан нам многим... Но ты, наверное, уже догадался, что находишься здесь по другой причине. За тобой должок... или запаматовал?

Должок? Как же. Забудки – цветы Синей Бороды. До того ли было! Неудивительно, что столь легкомысленно заключенная сделка выветрилась из памяти.

Хотя... разве у Джекоба был выбор? Он безнадежно заблудился в лабиринте Синей Бороды.

– В этом мире бытует трогательная история о карлике, научившем одну бестолковую крестьянку выпрядать из соломы золото, – прервал его размышления Игрок. – Разумеется, в конце концов она его обманула, но карлик требовал то, что принадлежало ему по праву.

Нынче пеку, завтра пиво варю,
У королевы первенца отберу.

В свое время сказка о Румпельштильцхене не особенно впечатлила Джекоба. Мать еще объясняла ему, кто такой первенец.

И даже теперь – кто в его возрасте думает о детях? Будут ли они у него вообще?

Заметив на лице Джекоба облегчение, Игрок улыбнулся:

– Похоже, тебя не слишком испугала моя цена. Раз так, позволь уточнить: первый ребенок, которого Лиса положит в твои руки, принадлежит мне. Вы можете повременить с оплатой, но платить так или иначе придется.

Нет.

Что нет, Джекоб?

– Но почему обязательно ребенок? Мы друзья, не более...

Игрок посмотрел на него так, словно Джекоб пытался уверить его, что Земля плоская, как блин.

– Ты говоришь с эльфом, не забывай. Я знаю ваши тайные желания, ведь моя задача их исполнять.

– Назначь другую цену. Что угодно, только не это. – Джекоб с трудом узнал свой голос.

– С какой стати? Это моя цена, и вы ее заплатите. Ребенок Лисы должен быть красив. Надеюсь, долго ждать вы меня не заставите.

Любовь всегда имеет привкус вины, желание – измены. Как понятны становятся наши желания, стоит нам осознать их невыполнимость. И вся эта чепуха, которую Джекоб вбивал себе в голову, – что он любит Лиску как-то не так и что его страсть означает нечто другое – ложь. Он хотел остаться с ней, иметь от нее детей, видеть, как она состарится.

Никогда, Джекоб. Ты продал свое будущее. Ради спасения ее жизни – пусть это послужит тебе слабым утешением.

– Соглашение действительно только по ту сторону зеркала.

Жалкая уловка.

– Где я немедленно превращусь в дерево, это ты хочешь сказать? Как же это я мог упустить из виду такую мелочь! Но знаешь, я тебя разочарую. В ближайшее время мы собираемся вернуться. По крайней мере, некоторые из нас.

Эльф снова встал у окна.

Тебе пора, Джекоб.

Две двери – да что с них толку? Если верить эльфу, они на острове. И есть еще Ист-Ривер, которую придется переплывать со сломанной рукой.

Игрок отвернулся к окну. Стал рассуждать о феях, их мстительности, о человеческой неблагодарности. Похоже, он любил поговорить перед слушателем, иначе зачем бы он так распинался? Сколько их уже там? Взгляд остановился на зеркале рядом со скульптурой, изображающей эльфа с полными ужаса глазами. Это зеркало будет, пожалуй, побольше того, что стоит в отцовском кабинете. Такая же рама из серебряных роз, только на лозах в нескольких местах сидят серебряные сороки.

Игрок все еще смотрел в окно. Всего несколько шагов отделяло Джекоба от зеркала.

Он поднялся. Стекло оказалось теплым, словно Джекоб коснулся шерсти какого-то животного. Но когда он привычным движением закрыл ладонью отражение своего лица, комната в зеркале не изменилась.

Игрок обернулся:

– Даже такие, как ты, способны смастерить бесчисленное множество видов этих зеркал. Неужели ты полагаешь, что мы менее изобретательны?

Эльф направился к столу и пролистал лежавшую на нем пачку бумаг.

– Слышал поговорку: «Фея и эльф неразлучны, как день и ночь»? Наши дети рождались смертными, но всегда выдающимися. Их короновали, объявляли гениями, им воздавали божественные почести. В этом мире мы можем иметь детей от смертных женщин, но, как правило, это жалкие посредственности.

Джекоб все еще стоял перед зеркалом и, как ни старался, не мог отвести глаз от своего отражения. Внезапно у него возникло ощущение, что зеркало его высасывает.

– Оно забирает у тебя лицо, – раздался за спиной голос эльфа. – Помощники, которых мы создаем при помощи зеркал, долговечнее их смертных оригиналов. Ирония природы. Ну-ка, покажитесь!

По комнате прошелестел теплый ветер, и в льющихся из окна солнечных лучах нарисовались два словно стеклянных силуэта. Вся комната отражалась в них: белые стены, стол, оконные рамы. Фигуры стали видимыми, когда лица окрасились в цвет человеческой кожи, а на телах появилась одежда.

Сходство было совершенным, вплоть до кистей рук. Только на этот раз девушка не прятала их под перчатками: на стеклянных пальцах блестели серебряные ногти. Юноша рядом с ней выглядел моложе Уилла, хотя кто знает, сколько лет ему на самом деле.

– Всего несколько недель, – ответил Игрок.

Джекоб задался вопросом, читает ли эльф и прочие его мысли.

– Шестнадцатую ты уже знаешь. Семнадцатый имеет больше лиц, чем она, но думаю, не будет лишним присовокупить к ним и твое.

Джекоб грубо оттолкнул девушку, когда та протянула ему руку. Ее «брату» – если его можно было так назвать – это не понравилось, но эльф предостерегающе посмотрел на него, и фигура Семнадцатого снова стала стеклянной, а потом слилась с зеркалом. Шестнадцатая последовала за ним, однако не раньше, чем улыбнулась Джекобу глазами Клары.

– Должен заметить, больница, где я одолжил у невесты твоего брата лицо, – примечательное место, – продолжал эльф. – Там, как нигде, можно понаблюдать за работой смерти. Еще та мистерия! – Игрок достал из кармана медальон, не больше карманных часов. В нем оказалось два зеркала: темное и прозрачное. – Мне было достаточно оставить их на столе медсестры. Никто из вас не может не поддаться искушению лишней раз взглянуть на свое отражение. Словно чтобы удостовериться, что его лицо все еще при нем. Вас пугает, когда оно начинает меняться.

Тут Игрок снова поменял обличье. Теперь перед Джекобом стоял Норебо Джон Ирлкинг, с которым они встречались в Чикаго.

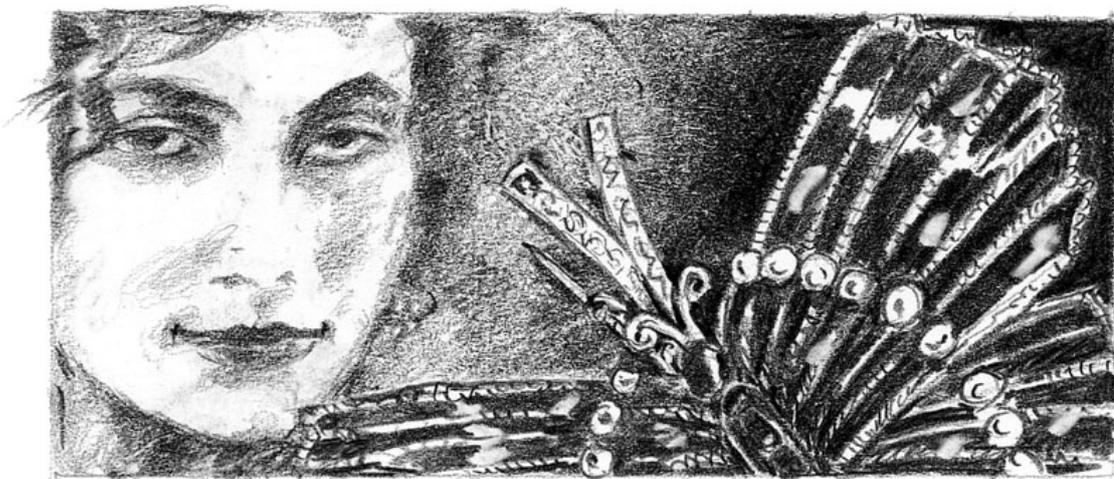
– Позволь представиться, Оберон – обязанный своим карликовым ростом проклятию Феи. Признаюсь, я надеялся, что ты поймешь мой намек. Зеленые глаза... Ну и имя, конечно. Лицо я позаимствовал у актера, который прекрасно воплотил Оберона на сцене. Мне всегда нравилось играть образами, в каких вы нас представляете. Или самих себя.

Лица сменялись одно за другим. Одни казались Джекобу знакомыми, другие нет. Наконец перед ним предстал человек, которого он помнил больше по фотографиям на столе матери.

Игрок смахнул с лица седеющую прядь Джона Бесшабашного.

– Твоя мать так ничего и не заподозрила. Я очень привязался к ней. Больше, чем мог себе позволить. Хотя, боюсь, принес ей счастья не больше, чем твой отец.

Клара

В первый раз Клара обратила внимание на эту девушку еще в коридоре, где обсуждала с врачом состояние ребенка, госпитализированного с аппендицитом. Лицо посетительницы показалось знакомым, однако за хлопотами Клара тут же о ней забыла.

Уилл опять мучился бессонницей и не хотел говорить, что именно не дает ему уснуть. Вместо этого он придумывал отговорки, для Клары и самого себя. Луна, плотный ужин, книга, которую ему непременно нужно дочитать до конца... Он стыдился самого себя и прятал свои мысли, желания и чувства. В них был другой, невидимый Уилл. Кларе давно следовало взглянуть правде в глаза, но идти по следам невидимок непросто. Как будто в сердце Уилла была тайная комната, куда и сам он имел доступ разве только во сне.

Но дело не только в Уилле. С самой Кларой в последнее время происходило нечто странное.

Как будто кто-то побывал у нее в голове и что-то забрал оттуда. Особенно остро Клара ощущала это утром, когда разглядывала себя в зеркале. Иногда лицо в глубине запотевшего стекла казалось ей чужим, или она видела себя ребенком, или узнавала черты своей матери. Она вдруг стала думать о вещах, о которых не вспоминала целую вечность. Будто кто-то перемешал ее прошлое чайной ложкой и поднял забытое со дна, как кофейную гущу. Ни Уиллу, ни кому-либо другому Клара, конечно же, ни в чем так и не призналась. Иначе интересный бы получился диагноз для будущего врача.

Хотя она все-таки подумывала поговорить об этом с Джекобом. Ее саму пугало, с каким нетерпением она каждый раз ждала встречи с ним. Напрасно Клара убеждала себя, что это не по Джекобу она так скучает, а по его миру и той, зазеркальной жизни. Клара не могла насытиться историями, которые рассказывали они с Лисой, и стыдилась этого. Стоило ли завидовать всему тому, что эти двое там испытали? Разве не хотелось ей самой столько раз послать это зеркало к черту! Но снова и снова Клара выжидала минутку, чтобы проникнуть в запыленную комнату и взглянуться в стекло, за которым таился запретный для нее мир. Неужели так было и с Уиллом? Если да, то виду он, во всяком случае, не подавал.

Клара уединилась в сестринской, чтобы подготовить медицинское заключение на завтра, когда девушка, которую она видела утром в коридоре, возникла в дверях. Клара не слышала, как она вошла.

– Клара Фэбер? – Незнакомка очаровательно улыбнулась. Клара обратила внимания на ее перчатки, – несмотря на жару! – из бледно-желтой кожи. – Я должна кое-что вам передать. От поклонника.

С этими словами незваная гостья достала из сумочки шкатулку и, прежде чем Клара успела ее остановить, выложила на стол. Там, на подкладке из серебряной ткани, лежал мотылек с эмалевыми крыльями. Клара никогда не видела такой красивой броши. Еще не успев понять, что делает, она взяла мотылька на ладонь и с трудом удержалась от того, чтобы тут же не приколоть на лацкан.

– Что за поклонник?

Уилл никогда не дарил ей ничего подобного. Они едва сводили концы с концами, да и квартира обходилась недешево. Мать Уилла и Джекоба оставила после себя кучу долгов.

– Я не могу это принять. – Клара решительно положила мотылька в шкатулку и только потом заметила, что укололась.

– Клара...

Незнакомка словно смаковала ее имя. Откуда она его, собственно, знает? Ах да, беджик... Девушка снова вытащила брошь и, не обращая внимания на протесты Клары, приколола на лацкан халата.

– У вас такое имя... – продолжала она, – как бы и мне хотелось иметь имя... Шестнадцатая... о чем это говорит, кроме того, что до меня было еще пятнадцать...

О чем она? Клара увидела выступившую на пальце каплю крови. Ранка оказалась на удивление глубокой. На Клару вдруг навалилась усталость. Ничего удивительного, столько ночных дежурств за последнее время.

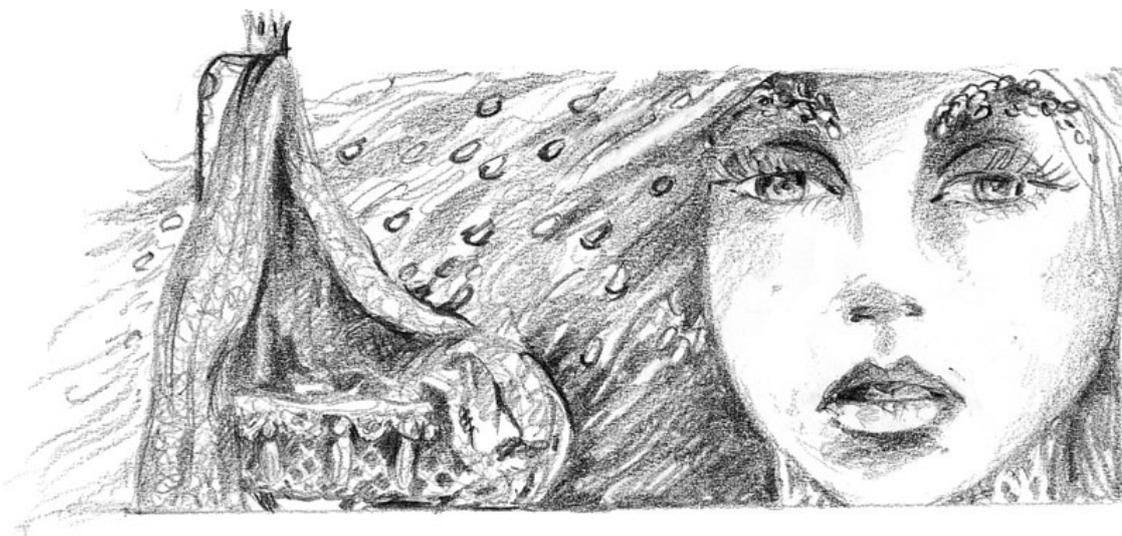
Она подняла глаза. Нависшее над ней лицо казалось точь-в-точь похожим на ее собственное.

– Оно такое же красивое, как имя, – прошептала незнакомка. – Но у меня много лиц.

В дверях она снова стала прежней. Только теперь Клара ее узнала: эта самая женщина была на фотографии, которую Уилл унаследовал от своей матери. Клара попыталась встать, но ударилась коленкой о стол. Ноги обмякли, и она повалилась на кресло. Спать.

– Веретено, шипы розы... – прошипела незнакомка, мгновенно изменившись в лице. – Брошь намного лучше.

Окровавленная колыбель

Женщина билась в истерике. Доннерсмарк не понимал ни слова из того, что она кричала, тыча ему в лицо окровавленной тряпкой. Оба гоильских солдата были ошеломлены человеческой несдержанностью, даже на их каменных лицах читалось некое подобие ужаса.

– Где императрица?

– У себя в будуаре. Ее не осмелились беспокоить.

Это сказал солдат с сердоликовой, как у короля, кожей. С некоторых пор, по приказу Амалии, для охраны дворца отбирали только таких.

– Кто решится ей сказать...

Кто, как не личный адъютант.

Видит Бог, Доннерсмарк предпочел бы заявиться к ней с другим известием. Особенно сейчас, когда после недельного отсутствия Амалия без лишних вопросов снова приняла его на службу.

О Синей Бороде он рассказал ей сам. Но обо всем остальном – страшных ранах, которые нанес ему слуга-олень, и лечении у деткоежки – умолчал. Никто не видел его шрамов, даже купеческая дочка, которую Доннерсмарк по осени собирался взять в жены. Он не хотел ей объяснять, как получилось, что рядом со шрамами остались словно выжженные на коже отпечатки ведьминых пальцев. Его грудь походила на поле битвы, где основательно потопталось несколько армий. Но даже это было не самое страшное. Каждую ночь Доннерсмарк видел один и тот же сон: он превращался в оленя и молил Темного Бога, покровителя солдат и убийц, вернуть ему человеческий облик.

Множество комнат и переходов отделяло спальню Лунного принца от покоев его матери. Ничто не должно тревожить сон королевы. Вот почему в то утро страшное известие не сразу достигло ее ушей.

По слухам, знаменитое говорящее зеркальце, которым владела прабабушка императрицы, и то, перед которым сидела сейчас Амалия, были сделаны из одного стекла. «Кто на свете всех милее?..» Королева услышала бы в ответ на этот вопрос именно то, что желала слышать. Золотые волосы, безупречной формы нос и фиалкового оттенка глаза – только одна женщина могла соперничать красотой с Амалией Аустрийской. Но и та не принадлежала к человеческому племени.

Они были как день и ночь. За время, прошедшее после свадьбы, король все чаще отдавал предпочтение дню, и фигура Темной Феи мелькала в дворцовых переходах неммым укором оскорбленной любви. То, что красоту, очаровавшую Кмена, соперница получила от лилий фей, не делало обиду менее горькой.

Горничная, скреплявшая волосы Амалии русалкиными слезками, сердито посмотрела на Доннерсмарка. Слишком рано. Ее госпожа не готова явить миру свое лицо.

– Ваше величество...

Амалия вздрогнула. Не оборачиваясь, поймала его взгляд в зеркале. И месяца не прошло с тех пор, как королева отметила двадцать первый день рождения, и Доннерсмарку она по-прежнему казалась заблудившимся в лесу ребенком. Что ей корона и расшитое золотом платье? Даже лицо купила ей мать, потому что то, с которым Амалия увидела свет, оказалось недостаточно красивым.

– Речь пойдет о вашем сыне.

Амалия почувствовала, как вокруг нее сгущается тьма. Она все еще не сводила глаз со своего отражения. И что-то было в ее взгляде, помимо обычной растерянности. Что-то такое, чего Доннерсмарк объяснить не мог.

– Няньке давно следовало бы принести его сюда. Я не хотела нанимать эту бестолковую деревенскую дуру. – Амалия провела рукой по золотым волосам, словно они были чужие. – Права была мать, когда говорила, что крестьяне глупы, как скот. А у поварят на кухне мозгов не больше, чем у сковородок.

Доннерсмарк избегал смотреть в глаза горничным, как видно привыкшим сносить оскорбления от госпожи. «А как насчет солдат? – мысленно спросил он. – Или фабричных рабочих, бросающих уголь в ненасытные утробы печей?»

Вероятно, Амалия не оценила бы этой иронии. Она только что расправилась с бастующими горняками, послав против них солдат мужа. Без согласия последнего.

Ребенок в лесу. Только с армией за плечами.

– Не думаю, что это вина няньки, – возразил Доннерсмарк. – Сегодня утром колыбель вашего сына оказалась пуста.

Фиалковые глаза расширились. Амалия смахнула с головы руку горничной и еще пристальнее взглядела в зеркало, словно силилась что-то прочесть на своем лице.

– Что это значит? Где он?

Доннерсмарк опустил голову. Правду и только правду, какой бы горькой она ни была.

– Мои люди его ищут. На колыбели и подушке остались пятна крови.

Одна из горничных всхлипнула. Остальные, разинув рты, уставились на Доннерсмарка. Амалия так и застыла перед туалетным столиком. Нависла тишина, пронзительней нянькиного крика.

– То есть он мертв.

Она первая произнесла это слово.

– Мы еще ничего не знаем. Возможно...

– Он мертв, – оборвала королева Доннерсмарка. – И ты не хуже меня знаешь, кто его убил. Она завидовала мне, потому что не могла родить сама, но не решалась причинить ему зло, пока Кмен не уехал.

Амалия зажала ладонью совершенной формы рот и повернулась. Фиалковые глаза наполнились слезами.

– Приведи ее ко мне, – приказала она, вставая. – В тронный зал.

Горничные посмотрели на Доннерсмарка со смешанным выражением ужаса и сочувствия. Кухарки говорили, что Темная Фея варит змей, чтобы передать своему лицу блеск их кожи. Дворцовые слуги шептались, что человек падает замертво, стоит ей невзначай кос-

нуться его подолом. Кучера божились, что не жилец тот, на кого пала ее тень. А садовники, в чьих угодьях Фея гуляла каждую ночь, прочили скорую смерть наступившему на ее след.

Тем не менее до сих пор все оставались живы.

Зачем же Фее понадобилось убивать ребенка, родившегося только благодаря ее колдовству?

– У вашего супруга много врагов. Может быть...

– Приведи ее, – повторила королева. – Она отняла у меня сына.

Гнев лишил Амалию разума. С ее матерью такого не случалось.

Доннерсмарк молча склонил голову и развернулся. «Приведи» – легко сказать. С тем же успехом королева могла велеть ему достать луну. Конечно, можно было собрать всю дворцовую стражу, но разве не явилось бы это лишним подтверждением бессилия королевской власти перед ее чарами?

Два солдата, которые привели к нему няньку, побледнели, услышав приказ.

Няньку заперли в ее каморке, однако страшная новость уже разнеслась по дворцу. На лицах всех, кого Доннерсмарк встречал в коридорах, отражался не только ужас, но и плохо скрываемое облегчение. Потому что принц Лунного Камня, хоть и имел лицо ангела, был существом странным: не то гоил, не то человек.

Был? Ты уже говоришь о нем в прошедшем времени, Лео Доннерсмарк?

Но он видел колыбель.

С тех пор как Амалия во всеуслышание объявила о своей беременности, Темная Фея жила в павильоне, который велел построить для нее Кмен в замковом саду, якобы по ее просьбе.

Он приставил своих гвардейцев охранять ее. Никто так и не понял от кого: от томимых страстью мужчин, попадавших под ее чары, стоило Фее мельком взглянуть на них из окна кареты; от приспешников ли свергнутой императрицы, исписавших стены городских домов призывами вроде «Смерть гоилам!» или «Долой Фею!»; или от анархистов, выдвигавших свой лозунг: «Смерть всем господам!»

«Чепуха! – гласили листовки, которые горожане подбирали утром на скамейках в парке и железнодорожных платформах. – Каменный король печется не о Фее! Он защищает от нее своих подданных». Никто не сомневался, в конце концов, что при помощи магии любовница Кмена сможет без труда защитить королевство от объединившихся армий Лотарингии и Альбиона.

Приведи ее.

Лишь только в зелени проглянул стеклянный фронтон павильона, в душе Доннерсмарка затеплилась последняя надежда: а вдруг Фея уехала. Она имела обыкновение время от времени покидать замок, иногда на несколько дней. Конюхи шептались, что лошади, везущие ее карету, – заколдованные жабы, а кучер – паук в человеческом обличье.

Надежды Доннерсмарка рухнули: она была дома. Если, конечно, действительно считала это место домом.

Гвардейцы Кмена пропустили Доннерсмарка без лишних слов. Два гоила: яшмовый и лунного камня. В отличие от Амалии Фея не требовала, чтобы ее охрана имела такую же кожу, как Кмен. Но сопровождающим королевского посланника солдатам преградили путь. Доннерсмарк не протестовал: если Фея вознамерится его убить, ни один человек на свете не сможет этому воспрепятствовать. До сих пор он видел ее только издали, одну или в сопровождении короля. На балах, дворцовых приемах, в последний раз – на празднике в честь рождения принца. Фея ничего не преподнесла младенцу: ее подарком была кожа, сохранившая принцу жизнь.

Она предстала перед ним одна, без слуг и горничных. От ее красоты у Доннерсмарка перехватило дыхание, как от внезапной боли. Полная противоположность детской миловидности Амалии. Неудивительно, ведь Фея никогда не была ребенком.

Стеклянная крыша павильона переливалась всеми цветами радуги. Так пожелала Фея, чтобы деревьям, которые она велела насадить между мраморными плитами пола, хватало солнца. Саженцам всего несколько недель, но они уже царапали прозрачный потолок, а покрытые цветами ветви заслоняли стены. И все вокруг нее росло и плодоносило, словно она была сама Жизнь. И ее платье казалось сшитым из листьев.

– Странный узор на вашей груди, – заметила Фея. – Олень уже зашевелился?

Она видела то, что скрыто от остальных. Ее тень на мраморных плитах была черной, как лесная почва близ домика деткоежки.

– Императрица желает вас видеть.

Напрасно Доннерсмарк приказывал себе не смотреть на нее, взгляд Феи приковывал, не давая опустить глаза.

– Зачем?

Почти звериным чутьем посланник почувствовал исходящий от нее гнев.

– Ребенок жив, передай ей. И скажи, что она умрет, как только его не станет. Я нашла на нее моль, и гусеницы будут окукливаться под ее кожей. Ты понял? Слово в слово, и не торопись... Соображает она так же туго, как скоро гневается. Ступай!

Тени за деревьями зашевелились. За шелковым диваном, на котором, как говорили, Фея никогда не лежала, замелькали фигуры волков и единорогов. Зашипели змеи на коврах, которые Кмен нарочно для нее выписал из Нагпура. Они не предназначались для стен, построенных руками смертных. Но этот гнев означал боль, и ее боль тронула Доннерсмарка сильнее, чем красота. Он застыл, не в силах сдвинуться с места, и только не мог взять в толк, что делал король в кукольной спальне Амалии, в то время как она ждала его здесь.

– Ну, что еще?

Теперь ее голос звучал мягче. Под ногами Доннерсмарка плиты пола проросли цветами.

Он развернулся.

– Приходи, когда олень оживет, – бросила она ему вслед. – Я научу тебя укрощать его.

Он почти не видел стражей, распахнувших перед ним двери.

Спотыкаясь и прижимая руку к изуродованной груди, Доннерсмарк вышел на широкий двор. Оба солдата посмотрели на него вопросительно. Доннерсмарк заметил мелькнувшее на их лицах облегчение от того, что он вернулся один.

Бессонница

Четыре утра. Лиса считала удары колокола церкви на рыночной площади. Она спала в комнате Джекоба, как и всегда в его отсутствие. Постель хранила его запах, или ей так только казалось. Вот уже несколько месяцев, как Джекоб уехал из Шванштайна. Последний пьяница вывалился на рыночную площадь прямо под ее окнами. Доносящиеся снизу звуки означали, что Венцель убирает со столов грязные стаканы. В соседней каморке кашлял во сне Ханута. Венцель говорил ей как-то, что старику нездоровится в последнее время, но того, кто скажет об этом Джекобу, Ханута собственноручно утопит в бочке с самым кислым вином. На его месте Джекоб сделал бы то же самое. Два сапога пара – и каждый из всех сил старается не показывать, как много для него значит другой.

Но когда старик велел ей привести к нему Альму Шпитцвег, Лиска поняла, что дела его действительно плохи. Старый охотник за сокровищами на дух не выносил ведьм, ни темных, ни светлых. Они внушали ему страх, но он скорее отдал бы на отсечение оставшуюся руку, чем признался в этом. Однако что ему оставалось после того, как доктор из Вены оказался бессилем, окончательно утвердив старика во мнении о бесполезности горожан?

Старая ведьма питала к Хануте ответную неприязнь и, вдобавок ко всему, до сих пор пеняла за то, что он обучил Джекоба своему разбойничьему ремеслу.

В эту ночь она явилась снова. Лиска почувствовала запах тимьяна, медуницы и ведьминой мяты, а кашель Хануты понемногу начал стихать. Альма бросала в зелье несколько шерстинок своей кошки, но об этом Альберту Хануте лучше было не знать. Снаружи залаяла собака, и Лиске почудился писклявый голосок дупляка. Она запустила руку под подушку, чтобы нащупать шкуру. Со дня возвращения Лиска надевала ее всего два раза, и каждый отнял у нее несколько лет жизни. Она все еще надеялась, листала магические книги в библиотеках, где Джекоб наводил справки о потерянных сокровищах. Но в книгах говорилось, что оборотни умирают молодыми, если только вовремя не сжигают шкуру. И Лиска стала приучать себя к человеческому облику.

Совсем недавно она гуляла в компании Людовика Ренсмана и Грегора Фентона, вот уже в который раз просившего ее позировать для рекламной фотографии. Эти снимки, так восхищавшие горожан, Грегор выставлял в витрине своего ателье. Ни один из спутников

Лисы ничего не знал о ее шкуре. В Шванштайне эта тайна была известна только Венцелю и Хануте.

Когда Людовик попытался поцеловать Лису, она оттолкнула его, пробормотав извинения. Иначе как было объяснить, что за воспоминания будят в ней его робкие поцелуи, – о темной карете, красной комнате и молоке страха, ее собственного страха... С некоторых пор любовь в ее сознании оказалась неразрывно связанной со смертью и страхом – последний подарок Синей Бороды.

И ни малейшего шанса уснуть.

Лиса откинула одеяло, под которым так часто грелась рядом с Джекобом, и схватилась за платье. Оно насквозь пропиталось запахом другого мира, и даже Кларе не пришлось в голову его постирать.

Из комнаты Хануты не доносилось никаких звуков, и снаружи все было тихо, если не считать возни двух дупляков, затеявших драку из-за хлебной корки. Лиса высунулась в окно прогнать их, пока не разбудили больного, и тут на пороге появилась Альма. Полумрак добавил ей морщин. Как и все ведьмы, Альма умела принимать облик молодой девушки, однако не любила скрывать свой возраст. «Мне нравится выглядеть на столько лет, сколько мне есть», – повторяла она, когда кто-нибудь имел глупость спросить ее о причине.

Альма улыбнулась Лиске усталой улыбкой, хотя ведьме-то было не привыкать к бессонным ночам. Она лечила скотину и детей от болезней тела и помрачения ума. Звали ее и когда подозревали порчу. Женщины особенно доверяли Альме, больше, чем доктору из города. Кроме того, на сотню миль вокруг она была единственной знахаркой, если не считать деткоежек из Черного леса, век за веком дремавших в своих болотах, подобно жабам.

– Как он?

– Чем мне тебя утешить? Он слишком поздно расстался с бутылкой, чтобы дожить до глубокой старости. Сбить кашель – вот все, что я могу. Хочет большего – пусть обращается к деткоежке. Но он не при смерти, что бы он там ни думал. Ох уж эти мужчины! Стоит пару ночей помучиться кашлем – как в дверях мерещится призрак с косой. С тобой-то что, почему не спишь?

– Ничего.

– Поначалу Джекоб неделями не спал после перехода. Это твой первый раз? – Альма поправила седые волосы, густые, как у молодой женщины. – Да, я знаю про зеркало, только не говори Джекобу, он боится слухов. Он у брата?

Лиса сама не понимала, чему удивляется: Альма жила на этом свете, когда еще на месте шванштайнских руин стоял замок.

– Он собирался вернуться через несколько дней...

– Что для Джекоба совсем недолго, – закончила за нее ведьма.

Они обменялись улыбками, которые, конечно же, не понравились бы Джекобу.

– Если он задержится, нам придется разыскать его ради Хануты. И пусть старый пропойца скормит меня своей кляче, но я скажу: с Джекобом ему полегчает. Я не знаю больше никого, к кому бы он так прикипел сердцем. Разве к актрисе, чей портрет выжег у него на груди бурым камнем один ханыга. Но старый дурень так стесняется его, что боится лишней раз расстегнуть рубашку.

Тут Ханута снова закашлялся, и Альма вздохнула.

– Ну почему я такая жалостливая! Еще недавно чуму паучью насылала на него из-за Джекоба, а теперь вот ночей не сплю... Деткоежки убивают в себе жалость, поедая детские сердца, наверняка есть и более аппетитный способ. Поможешь приготовить отвар? Даже если Ханута выплюнет его мне в лицо, потому что там не будет водки.

Лиса понимала, что никакой помощи Альме не требуется. Просто ведьма решила отвлечь ее, раз уж навязчивые мысли все равно не дают уснуть. В пивном зале, куда они

спустились, никого не было. Даже Венцель уже спал. Он редко ложился раньше рассвета: согласно распоряжению Хануты, харчевня «У людоеда» закрывалась с уходом последнего посетителя. На кухне пахло супом, который помощник Хануты сварил на завтра. «Плохой солдат, зато отличный повар», – так говорил о себе Тобиас Венцель. Пока Лиса разогревала суп, Альма готовила целебное зелье.

– Я давно знаю про зеркало, – говорила она. – Гораздо дольше, чем Джекоб. Не его первого видела я выходящим из башни.

Это откровение так потрясло Лису, что она забыла про суп. Она никогда не спрашивала Джекоба о зеркале. Сам он тоже не поднимал эту тему, вероятно потому, что она слишком долго оставалась его личной тайной.

– Я уже не говорю об отце Джекоба, – продолжала Альма. – Он долго жил в Шванштайне, но я не любила его, поэтому не вспоминаю о нем при Джекобе. Нет. Первый явился сюда за полстолетия до Джона. В Виенне правил тогда не то Людвиг, не то Максимилиан, тот самый, что скормил свою младшую дочь драконам. А на месте руин стоял Охотничий замок, прекраснее не было во всей Аустрии. Тогда еще шванштайнцы прогнали великана, который украл пекаря. Должно быть, решил подарить игрушку своим детям. Я слышала, именно с этой целью великаны обычно и похищают людей.

На ситечке, через которое ведьма процеживала свой чай, остались висеть кошачьи волоски.

– Эрих Земмельвайс¹ – я никогда не забуду этого имени, потому что оно напоминает мне о похищенном пекаре. Позже я узнала, что это девичья фамилия матери Джекоба. То есть это был один из его пращуров, насколько я понимаю. И вот он явился сюда, бледный, как шампиньон, и пахнущий, как алхимики с улицы Небесных Врат, что превращают свои сердца в золото. Этот Земмельвайс сделал хорошую карьеру в Виенне, вроде даже служил наставником императорского сына. – Альма повернулась к Лисе. – Ты, наверное, хочешь спросить меня, зачем я тебе об этом рассказываю посреди ночи? Так вот, в один прекрасный день Эрих Земмельвайс возвратился сюда из Виенны с невестой и объявил во всеуслышание, что отплывает в Новую Землю. И люди ему поверили, как верят сейчас альбийским историям Джекоба. Но через год я видела их обоих выходящими из башни, а потом Земмельвайс позвал меня к себе, потому что его супруга потеряла сон. Джекоб хорошо приспособился к переходам, но сначала и он часто болел, так что будь осторожна.

– И что потом случилось с женой Земмельвайса?

Ведьма перелила отвар в кубок, украденный, по словам Хануты, у короля Альбиона.

– Кто-то похитил у нее первенца. Я всегда подозревала гнома, живущего в руинах. Но она родила еще двоих детей.

Невеста из Виенны. Заспанным мозгам Лисицы понадобилось время, чтобы понять, что это значит.

– Ты должна повторить эту историю при Джекобе.

– Нет. – Альма покачала головой. – Можешь сказать ему, что мне известно про зеркало, но остальное пусть выведывает сам. Отец – единственный, кто ему интересен. Хотя, может статься, его тяга к этому миру больше связана с матерью.

¹ Земмель (*нем.* die Semmel) – «булочка».

Прочь

Толпа штурмовала стены, а стражники Амалии даже не пытались сдержать ее.

Потом полетели камни. То, что она могла восстановить разбитое стекло одним мановением руки, лишь распалило голодранцев. Но Фея хотела показать, как смешон их гнев. Если бы от их криков можно было отмахнуться так же легко...

И ни слова от Кмена.

Молчание лишь подтверждало, что он поверил Амалии. Найти другое объяснение не составляло труда: письма часто перехватывали повстанцы, в конце концов, его ответ мог просто затеряться на долгом пути из Пруссии в Виенну. Но Фея предпочитала смотреть правде в глаза. Солдаты Кмена все еще бродили вокруг ее павильона, но перестали нести караул у дверей. Через забор летели камни, ругательства, но стражники и пальцем не пошевелили, чтобы прогнать подстрекаемую Амалией чернь. Никто не смел заступить ей путь, тем не менее отныне Фея была пленницей Амалии.

«Чертовка, болотная жаба!» – все это она слышала давно. Но теперь добавилось еще одно: детоубийца.

Неужели Кмен поверил, что она извела его сына? Каких сил стоило ей поддерживать в нем жизнь! Она ослабела. И наградой за все – молчание. И боль.

Сестры предупреждали. Она превратится в собственную тень, говорили они. Но она заплатила эту цену за любовь Кмена, даже если стыдилась признаться себе в этом.

Все кончено. Теперь мотыльки – бесплотные тени обманутой любви – ее единственные помощники. Или нет, есть еще один. Стекло хрустнуло под каблуком сапога. Хромой солдат, служивший еще матери Амалии. Такой же отверженный, даже если он сам еще не успел это понять.

– Восстание на севере разгорается. Трудно сказать, когда вернется Кмен.

Фея вытащила из каштановых волос осколок стекла. Теперь она носила ту же прическу, что и ее сестры. Это ради Кмена она одевалась, как смертные женщины, убирала волосы, как

они, и спала в их комнатах. Тысячи человекогилов подарила она каменному королевству, тысячи сыновей! И ее предали. «Кмен» – одно имя имеет теперь привкус яда.

Доннерсмарк прислушивался к доносившимся снаружи крикам. Сегодня толпа вела себя еще развязнее. Над головой осыпались осколки. Фея подняла руку. На мгновение она представила себе, как стекло плавится, превращаясь в прозрачную жидкость, смывающую их всех – голодранцев за стеной, солдат Кмена и гвардию его куклы... Ей все труднее было сдерживать гнев.

– Я не могу поручиться за вашу безопасность.

Доннерсмарк больше не опускал глаза, когда говорил с ней. Теперь он не боялся смотреть ей в лицо.

– Я привыкла полагаться только на себя.

– Весь город в смятении. Амалия приказала сжечь вашу карету. Она распускает слухи, что все связанное с вами проклято.

Кукла демонстрирует природный талант интриганки. Что ж, прекрасная возможность завоевать доверие подданных, сильно подорванное свадьбой с гоилом. Они уже забыли, как ненавидели Лунного принца. Теперь императрица для них – только скорбящая мать.

– Что с ребенком?

Доннерсмарк покачал головой:

– Никаких следов. Трое моих солдат – последние, кому я еще доверяю, – ищут его.

Сама она послала не один десяток мотыльков на поиски принца. Известий нет. Фея разглядывала осколки под ногами. Разбитая клетка. А тот, кто ее в ней запер, бежал. Или нет. Она сама заточила себя в клетке.

Доннерсмарк оставался с ней. Ее рыцарь.

– Что вы собираетесь делать?

В самом деле, что? Узы, которыми она себя связала, разорвать не так просто. Даже если невидимая нить между ней и Кменом сильно натянута.

Фея направилась к деревьям, насаженным по ее приказу, – такие росли только на берегу озера, из вод которого вышла она и ее сестры. Протянула руку в гущу листвы и сорвала две семенные коробочки. Из первой, стоило ее расколоть, выпрыгнули ей на ладонь две крошечные лошадки, такие же зеленые, как скрывавший их плод. Они принялись стремительно увеличиваться в размерах, когда Фея поставила их на мраморную плиту. Из второй выкатилась карета. Она росла, выпуская усеянные цветами и листьями побеги. Колеса и козлы были черными, как и кожа, обтягивавшая скамьи внутри.

Доннерсмарк смотрел на волшебство теми же глазами, что и все они: недоверие, восторг, зависть во взгляде. Им тоже хотелось бы уметь такое.

Карета, лошади... оставался кучер. Фея подняла руку, и опустившийся ей на палец мотылек со смарагдовой головкой расправил черные, словно присыпанные золотой пылью крылья.

– Хитира, Хитира, – прошептала ему Фея, – ты помог мне его найти, помоги же мне его покинуть.

Она легко коснулась мотылька пальцем, словно поцеловала, и тот, слетев на землю к ее ногам, превратился в молодого человека в черном костюме, будто присыпанном золотой пылью, и сверкающем тюрбане смарагдового оттенка. Бледное лицо юноши выдавало, что он давно чужой в мире живых. Хитира... одно из немногих человеческих имен, которые она помнила. Принц Хитира влюбился в Темную Фею больше сотни лет назад и остался верен ей после смерти. Такое нередко случалось с теми, кто попадал под чары фей. Любовь смертных вечна – так привыкли считать она и ее сестры. Откуда же было Фее знать, что чувство Кмена окажется таким мимолетным?

Хитира молча сел на козлы. Доннерсмарк глядел на карету и лошадей с недоумением, словно не мог поверить, что видит их наяву. Но сном была любовь Кмена, и пора пробуждаться.

Фея подобрала платье и огляделась в последний раз. Прах, осколки. Чего она еще ожидала, связавшись со смертным?

Доннерсмарк распахнул дверцу. Фея давно поняла, что он последует за ней, гораздо раньше, чем он сам. Он хотел защитить ее, но в тайной надежде, что и она поможет ему, когда зверь в его груди зашевелится.

Стражи Кмена не успели заступить им путь. Дворцовая гвардия бросилась врассыпную при виде мертвенно-бледного лица Хитиры. Пока Доннерсмарк открывал ворота, Фея смотрела на балкон, с которого Терезия объявляла о помолвке своей дочери. Амалия не показывалась.

Быть может, Фея и оставит ее в живых.

Быть может.

СЛИШКОМ МНОГО ПСОВ

Две стычки на границе плюс нападение на Кмена. Хентцау пришлось собственноручно застрелить несостоявшегося цареубийцу, а потом отдать под расстрел никуда не годных телохранителей. Он во всеуслышание пообещал укоротить язык каждому, кто будет распускать слухи, что это как-то связано с нефритовым гоилом. Тем не менее народ шептался: «Нефритовый гоил покинул короля, а теперь еще и Фея... Кмен обречен смерти, как и его сын».

И тот, кто ворвался в королевскую палатку, не принадлежал к людскому племени. Нет, мятежников, что поднялись на борьбу с оккупантами, Хентцау по-своему понимал. Но этот был гоил. Ониксовый. Всего несколько недель назад они объявили одного из своих соплеменников настоящим королем и помазали на царство. Самозванец, ставленник Альбиона и Лотарингии и предатель собственного народа. Ничего удивительного. Ониксы – извечные паразиты. Они всегда высасывали кровь из подданных, и лишь тем, у кого ониксовая кожа, хорошо жилось под их властью.

Хентцау приказал нашпиговать голову убитого окаменелыми личинками и отослать их предводителю. Резиденция Ниясена располагалась в Лотарингии, но его псы шныряли повсюду.

Слишком много псов... Хентцау положил под язык пилюлю, которую дал ему лейб-медик Кмена от боли в груди. Помогали эти пилюли так же мало, как и те, что прописал ему в Вienne доктор Амалии, поэтому Хентцау уже послал одного из своих солдат к рудным ведьмам, в подземный лес к северу от королевской крепости. Их зелья обжигали даже гоильские языки, но только благодаря им Хентцау оправился от ран, полученных в день Кровавой Свадьбы.

Им надо вернуться под землю, где не нужны ни пилюли, ни рудные ведьмы. Но идиот-квартирмейстер устроил его кабинет в башне с окнами, пропускавшими так много света, что у Хентцау болели глаза. Он приказал было замуровать их, но оказалось, что солдаты, понимавшие толк в кладке, как один пали в схватке с мятежниками.

Кмен любил размещать штаб-квартиры в человеческих замках, несмотря на их башни и окна. Из этого они выгнали одного голштейнского дворянина. Перед уходом он отомстил гоилам, пустив в подвалы пораженных заразной болезнью крыс.

Но не по этой причине попали в лазарет тридцать человек личного состава. Они могли спать только на больничной койке, потому что дневной свет разъедал им глаза. Чем дольше они пребывали на земле, тем сильнее становились подвержены человеческим болезням – и Ониксы первым делом напирала на это в подтверждение тому, что гоилам нечего делать на поверхности. Что им было возразить? Ни Хентцау, ни король не забыли родных подземелий. Золото, серебро, драгоценные камни, нефть – все, что так любят люди, там в избытке. То, что добывается из-под земли, гораздо дороже того, что на ней произрастает, так уж сложилось.

– Лейтенант Хентцау? – Нессер просунула голову в дверь.

– Что такое?

Он быстро убрал пилюли в стол. Нессер не заслужила такого грубого оклика, но уж слишком упорны в последнее время слухи о том, что Хентцау, верный пес короля, постарел и ослаб. Пусть даже Темная Фея – единственная, кто осмелился сказать об этом Кмену.

Как же Хентцау был рад от нее избавиться.

– Новые депеши. – Нессер остановилась в дверях, пропуская вперед курьера.

После недавнего покушения, во время которого Хентцау получил легкое ранение, король приставил к нему Нессер в качестве личного телохранителя. Разумеется, не спросив самого Хентцау. И теперь королевского пса стерегла девушка, годившаяся ему в дочери. Худшего выбора Кмен сделать не мог. Но надо отдать ей должное, Нессер была куда лучше тех олухов, что защищали самого короля.

Посланник оказался человекоилом. Из тех, что задержались на королевской службе, несмотря на то что под каменной кожей все явственней проступала мягкая, словно улиточья, плоть. Хентцау давно бы велел их всех перестрелять, когда бы они не зарекомендовали себя хорошими шпионами и курьерами. Вряд ли они много помнили из своей человеческой жизни. Этот был рубиновым гоилом. Камень еще оставался на лбу и щеках, а карие глаза сохранили золотой блеск. Целые орды таких слонялись сейчас по земле и жили грабежами да мародерством.

Наследство Феи. Хентцау радовался, что она оставила короля, хотя и представить себе боялся, чего она может натворить, будучи их врагом.

Если верить разведке, Фея подалась на восток. Неужели в Сулейманский султанат? Быть того не может, тамошние правители считают магию привилегией мужчин. Но желающих воспользоваться ее услугами хватало везде: казаки Украины и царь Варягии, волчьи князья на Камчатке и в Юкагирии. Гоилы издавна торговали с древнейшими городами Востока. Но Хентцау не сомневался: любой союзник встанет на сторону врага, заручившись магией Темной Феи. Особенно беспокоил его бывший муж Изольды Аустрийской, младшей сестры Терезии. Этот волчий князь овдовел всего пару недель тому назад. Отравил супругу, как шептались при виеннском дворе.

Новые депеши не улучшили настроения Хентцау: пожар на авиастроительном заводе, убит посол гоильского короля в Баварии, в одном из наземных пещерных городов эпидемия самоубийств. Четыре сотни трупов. Последнее донесение было от Тьерри Оже – шпиона из Лотарингии. Он сообщал о прибытии ко двору Горбуна странного гостя. Джон Брюнель – инженер, проектирующий самолеты и корабли, и известный, помимо прочего, своей нелюбовью к путешествиям. Что заставило его впервые покинуть берега Альбиона и засвидетельствовать свое почтение королю Лотарингии? Из всех известий это было самое тревожное.

Нессер махнула курьеру, и тот направился к двери. У входа отдал честь, прижав руку к груди. Все равно Хентцау не мог к ним привыкнуть. Нессер стояла у двери и ждала. Хентцау так и не обзавелся детьми, но то, что он испытывал по отношению к ней, пожалуй, было наи-

более близко отцовскому чувству. Он любил в ней все, даже слабости: ее несдержанность, нетерпение и склонность видеть мир в черно-белом свете. Завидный недостаток молодости, когда жизнь представляется простой, несмотря ни на что.

Брюнель у Горбуна. Но даже самая плохая новость в умелых руках – подарок судьбы. Подарок?

– Доложи секретарю, что мне надо переговорить с королем.

Хентцау схватился за грудь, лишь только Нессер закрыла дверь. Что ж, он солдат и привык терпеть боль.

Кмен давно уже не замуравывал окон в своих покоях. С тех пор как ведьма заговорила ему глаза, восприимчивость Хентцау к дневному свету стала излюбленной темой королевских шуток. В последний раз Кмен сказал ему, что солнечные лучи для Хентцау страшней любой магии.

Теперь король стоял у окна и думал... конечно, о Фее.

– Так, значит, Брюнель в Лютеции... – повторил Кмен, пробежав глазами депешу Тьерри Оже. – И ты, вероятно, понимаешь это так же, как я... Что ж, Морж не так глуп. Прикажи сосредоточить войска на лотарингской границе и проследи, чтобы кронпринца не переставали пичкать эльфовой пылью.

– Этого недостаточно. – Хентцау поскреб лоб. Свет, проникавший через высокие окна, был мучнисто-серый, тем не менее раздражал кожу. – Нужно посеять смуту в лотарингских колониях, чтобы препятствовать объединению войск, поднять анархистов в городах... И мы должны заручиться поддержкой на Востоке. Самое время сделать царю подарок. Такой, с которым он не побоялся бы бросить вызов Альбиону и Лотарингии.

– И что за подарок может, по-твоему, возыметь такое действие?

«...и пересилить магию моей бывшей возлюбленной», – добавил про себя король.

Ни тот ни другой до сих пор не упомянули Фею, но подспудно разговор крутился вокруг нее.

– Этот подарок только что сам упал в руки вашего величества.

Заядлые игроки, они привыкли читать мысли друг друга. Столько войн пройдено плечом к плечу. Они делили все: поражения и победы, гнев, страх, сомнения, триумф. И вместе смотрели смерти в лицо.

– Интересно... – Кмен снова отвернулся к окну. Оно выходило на восток. – Сколько солдат тебе нужно?

– Не больше десятка, чтобы не бросались в глаза. Охотно прихвачу парочку человеко-гоилов.

– В самом деле? – удивился Кмен. – Не ты ли хотел их всех перестрелять?

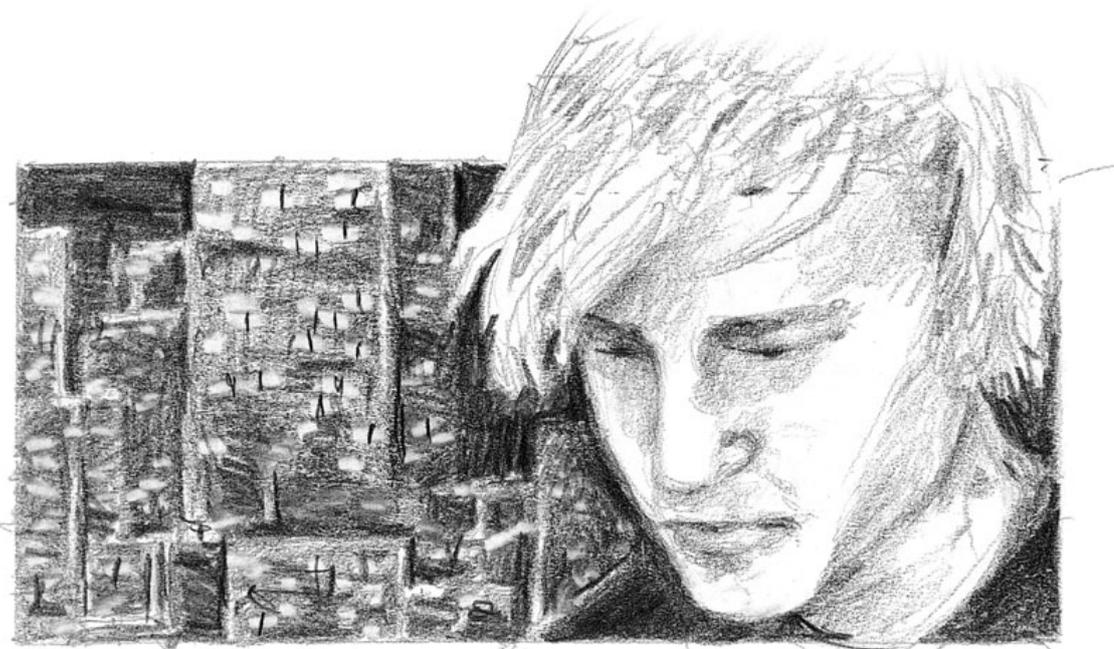
– Хороший полководец меняет стратегию в самый неожиданный для противника момент.

Кмен усмехнулся.

Так много пройдено... Этот яшмовый пес будет защищать его до конца, даст толпе разорвать себя вместо него, если потребуется.

Но почему бы заодно не заручиться поддержкой варяжского медведя?

Жили-были

Уилл еще не спал, когда зазвонил телефон. Два часа ночи – Клара поставила на письменный стол будильник его матери. Она хранила ее вещи и часто расспрашивала Уилла о ней, вероятно, потому, что своей матери не помнила.

Уилл схватил трубку. Поздний звонок его не удивил. Клара неделями работала в ночную смену, да и Джекобу нередко приходилось бодрствовать в дороге до утра. Оба знали, что Уилл привык ложиться на рассвете. Он с детства боялся кошмарных снов, но после возвращения из Зазеркалья уснуть для него означало ступить на вражескую территорию.

– Уилл? Это доктор Клингер. Клара работает у меня в отделении.

Этот голос – одновременно строгий и сочувственный – напомнил Уиллу о другом звонке: «Вашей матери хуже. Может, вам имеет смысл заехать?»

Но тогда все было, по крайней мере, предсказуемо. На этот раз Уилл не знал, что и думать.

Она всего лишь ушла на работу.

– ...простите, большего я вам пока сказать не могу.

Уилл вскочил с постели. В такси он безуспешно пытался дозвониться до брата.

Мать умерла в другой больнице, но этот лифт напомнил Уиллу месяцы, когда он ее навещал. Лифт и запахи в коридорах.

Доктор ждал. Уилл его узнал. Они виделись на вечеринке, которую коллеги устроили как-то в их с Кларой честь.

«Внезапная кома», «без сознания», «ее нашла сестра» – бессвязное бормотание лишь выдавало его беспомощность. Уилл последовал за врачом в комнату, где она спала.

Он уже видел подобный сон. Но кому в этом мире мог он рассказать о мертвой принцессе на увядших розах? На халате, лежащем на стуле рядом с кроватью, блеснула брошь,

которую Уилл никогда не видел раньше: мотылек с черными крыльями и серебряной головкой.

Привет из Зазеркалья.

– Редкая инфекция, – услышал Уилл за спиной голос доктора.

«Ранка на пальце», «анализ крови»...

Уилл не отвечал. Что ему было говорить? Не иначе как сама Фея нанесла визит его подруге.

Он попросил Клингера оставить его наедине с невестой и подошел к кровати.

Ни колючей изгороди, ни замковых стен. Их ничто не разделяло. *Поцелуй же ее, Уилл, это так просто.* Но она казалась такой чужой, как тогда мать. Уилл старался забыть, где находится, и силился вспомнить их первую встречу. Но в голове всплывало одно и то же: пряничный домик деткоежки, пещера, кожа, покрывающаяся зеленой коркой.

Всего лишь поцелуй.

Однако ноги словно приросли к земле. Или его сердце все еще оставалось каменным? Иначе как объяснить это внезапное исчезновение чувства? Любовь словно испарилась, он предал ее, когда она больше всего в нем нуждалась. Он должен поцеловать Клару, как сделал это тогда, в больничном коридоре перед палатой матери. Но почему любовь вечно ищет соседства смерти?

Губы Клары были мягкими и податливыми, но она не просыпалась, и перед глазами Уилла снова предстала принцесса в башне, с пергаментным лицом и выцветшими, как солома, волосами.

Просыпайся же, Клара! Я люблю тебя... пожалуйста...

Он еще раз наклонился к ее губам, но ничего не почувствовал, кроме нового приступа отчаяния. *Я люблю тебя...* Она любила его больше. Всегда.

Врач вернулся и рассказал, какие анализы еще предстоит сделать. Уилл подписал бумаги и снова позвонил Джекобу. Безуспешно.

Доктор пообещал сообщить, как только что-нибудь изменится, и отправил его домой.

Уилл не помнил, как оказался на улице. Он хотел заплакать, но глаза оставались сухими. Тогда Уилл стал следить за огнями проезжающих автомобилей, как будто это могло что-то прояснить. Джекоб. Он должен переговорить с братом.

Джекоб что-нибудь придумает, он отыщет способ, заклинание, которое... которое что? Заменит его любовь?

Даже если так.

Уилл оглянулся на больничный корпус. Ее нельзя оставлять там. Джекоб найдет выход, она проснется. И тогда Уилл будет любить ее, как она того заслуживает.

– Как легко ты берешь все на себя, Уилл. Почти так же легко, как твой брат отказывается платить по счетам.

Он обернулся. Сидевший на скамейке мужчина обратился к нему как к старому знакомому, между тем Уилл не помнил, чтобы когда-нибудь видел его раньше. «Скамьи слез» – так называла Клара это место. Потому что здесь делали первую передышку родственники больных, возвращавшиеся от врачей с плохими известиями.

– Простите, мы знакомы?

Вопрос из разряда тех, что задают вежливые люди вроде Уилла, когда хотят, чтобы их оставили в покое.

Мужчина улыбнулся.

– Да, но ты был слишком мал, чтобы меня помнить. Я близкий друг твоей матери.

Взвизгнула «скорая помощь». Уилла бесцеремонно столкнули на обочину дорожки. Столько народу даже в это время! Этот незнакомец казался подозрительно чужим в окру-

жавшей его обстановке. Или, скорее, наоборот: обстановка была для него чужой. Уилл даже засомневался, не во сне ли это все с ним происходит. После возвращения из Зазеркалья он часто путал сны с явью. Как это Джекоб не боится этих переходов? С ума можно сойти.

Но почему она не очнулась? Ему следовало бы лучше о ней заботиться, любить ее...

Мужчина на скамейке весело прищурил глаза, как будто развлекался тем, что читал его мысли. Он так и не представился.

Ах, если бы... Образцовый сын, брат, любовник. Уилл Бесшабашный, ты – чистая доска, на которой всяк малюет что хочет.

Что с тобой, Уилл? Ты хочешь чего-то другого, Уилл?

– Присядь. – Незнакомец подвинулся.

Уилл медлил. Ему нужно назад, к Кларе.

– Садись, Уилл. – Голос мужчины звучал ласково, словно в лицо вдруг пахнуло теплым ветерком, и в то же время не оставлял места для возражений. – Я хочу кое-что тебе предложить.

Мимо, шатаясь, проковылял пьяный. Мужчина и женщина целовались на автобусной остановке. Вот она, настоящая любовь.

– Сожалею, но мне нужно в больницу, – ответил Уилл. – Моя девушка...

– Ах да... – перебил его незнакомец. – Но мое предложение касается именно ее.

Мужчина раздраженно хлопнул по скамье, и все вокруг – грязный тротуар, усталые лица, кофейня на углу – вдруг показалось Уиллу каким-то нереальным.

Он опустился на край скамейки. Блеснувший в ухе мужчины красный камешек показался ему знакомым.

– Полагаю, ты уже пытался разбудить ее поцелуем? Это редко срабатывает. – Незнакомец вытащил из внутреннего кармана серебряный портсигар. – Сонный укол – древнейший колдовской трюк. Простой и надежный. Надеюсь, брат предупредил тебя и твою подругу. Ты отверг подарок Феи – кожу из священного камня. Бессмертные такого не прощают. И поскольку она сама сделала тебя неуязвимым... – Сигарета, которую зажег незнакомец, была такой же белой и тонкой, как его пальцы, по шесть на каждой руке. Вся эта ночь – привет из Зазеркалья. – Феи любят играть чужими судьбами, Уилл. Я даже не о пресловутых приворотных зельях. Мы оба понимаем, о чем я: смертный сон, каменная кожа, тюрьма в стволе дерева... – Зажигалка, которую он сунул в карман пиджака, тоже была серебряной. – Но на этот раз не брату, а тебе восстанавливать нарушенный порядок. В этом ведь и состоит твое самое заветное желание, или я ошибаюсь? Ты хочешь, чтобы все стало как раньше, до того, как ты имел глупость последовать за ним. – Мужчина выпустил дым, игнорируя осуждающие взгляды прохожих. – Ты ведь знаешь, как начинаются все сказки? «Жили-были»... Только вот «долго и счастливо» в конце надо еще заслужить.

Над огнями города плыла голубоватая дымка, в которой Уиллу померещилась фигура женщины, окруженной стаей черной моли.

– Это совершенно невероятно, правда? – Незнакомец достал из кармана что-то похожее на кошель. Уилл вспомнил, что видел у Джекоба такой же. – Она сама сделала тебя невосприимчивым к чарам, чтобы защитить свою любовь. Да... Эта напасть не щадит и бессмертных. – Он положил кошель Уиллу на колени. – Все началось с нее, Уилл, ею должно и закончиться.

Кошель казался пустым, однако, сунув в него руку, Уилл нащупал нечто похожее на рукоятку.

Незнакомец поднялся.

– Разыщи ее. Воспользуйся моим подарком и помни: все свершится, как предназначено. – Он наклонился к уху Уилла: – Я открою тебе, кто ты есть, Уилл Бесшабашный, твое истинное «я». Разве не к этому все вы так стремитесь?

Не дожидаясь ответа, собеседник Уилла развернулся и направился к машине, припаркованной у тротуара. Шофер распахнул перед ним заднюю дверцу. Дождавшись, когда автомобиль растворится в уличном потоке, Уилл встал, сжимая в руке подарок незнакомца.

Джекоб по-прежнему не отвечал, а лицо Клары стало еще блее. Уилл не нашел в себе мужества снова поцеловать ее. В ответ на вопрос, можно ли забрать больную домой, ночная сиделка покачала головой.

В квартире было так же тихо, как и в тот раз, когда он вернулся от матери. Уилл выложил на кухонный стол кошель, который дал ему незнакомец, и нерешительно запустил руку внутрь. Металл оправы оказался горячим, а выгравированный на нем узор словно плавился и что-то шептал под его пальцами. Уилл сжал рукоятку и натянул прозрачную тетиву. Ему, и никому другому, суждено послать стрелу в самое сердце тьмы. Если, конечно, оно вообще у нее есть, сердце.

Не туда

Лиса слишком привыкла дожидаться Джекоба месяцами, чтобы бить тревогу на четвертый день его отсутствия. Однако Ханута по-прежнему захлебывался кашлем, а убедить себя в том, что с Джекобом ему полегчает, оказалось так легко. Сама идея пройти через зеркало в одиночку пугала, но для Лиски это не было основанием от нее отказываться, совсем напротив. Потому что страх – юркий зверек, который вырастает до размеров чудовища, если ему поддаться.

Лошадь она взяла у Хануты. Кусачая, как бездомная собака, эта кляча не раз доставляла Джекоба к руинам, а потом возвращалась одна. Ханута утверждал, что даже волчьи стаи ей нипочем, но лошаденка потрусилась домой подобру-поздорову, стоило Лиске отпустить ее возле башни. Как и ее сородичи, она не любила задерживаться в руинах. Альма говорила, что виной тому призрак конюха, при жизни служившего в замке и мучившего господских лошадей.

Для призраков утро выдалось слишком туманным, но перед башней на влажной от росы земле Лиска обнаружила следы сапог. Они продолжались за ведущей к конюшням разбитой лестницей. Шванштайнский бургомистр как будто намеревался продать то, что осталось от замка, чтобы окончательно развеять слухи о довлеющем над этим местом проклятия. Быть может, пришло время подыскать другой тайник для зеркала, как бы ни отпугивали покупателей прокопченные стены.

Окутывавшая их сырость словно не пропускала звуков. Сколько часов провела Лиска под этими дверями, дожидаясь Джекоба? И каждый раз боялась, что не дождется.

Зеркало блестело так, словно его только что протерли. Впервые Лиска решилась подойти к нему настолько близко. Она не переступала этой границы в одиночку. У него свой путь, у нее свой – таково было негласное правило. Скорее ее, чем его, потому что Джекоб был рад видеть Лиску в своем мире.

Она протянула ладонь, ощутив холод стекла.

В первый момент ее удивила царившая по ту сторону темнота. В башне глазам было больно от солнечного света, а время суток по обе стороны границы до сих пор совпадало.

Лиска научилась видеть в полумраке, шкура обостряет зрение оборотня, даже когда он в человеческом обличье. Однако, как ни вглядывалась она, пытаясь различить в глубине комнаты очертания письменного стола и окна, из которого открывался вид на город, ничего

подобного не просматривалось. Помещение, в котором оказалась Лиска, пахло каменным сараем, где она пряталась в детстве, чтобы не латать сети. Она оглядела замурованные окна, ряды ящиков вдоль стен – в человеческий рост и поменьше, какие сама могла бы без труда унести.

Где оказалось зеркало на этот раз?

Лиса заметила среди ящиков другие зеркала, в большинстве своем меньшие по размеру, чем то, через которое она прошла, но в таких же серебряных рамках. Ей вдруг показалось, что она попала в комнату с множеством зеркальных дверей и теперь должна угадать, какая из них ведет к Джекобу.

Она прижала ухо к закрытым воротам – единственному выходу из помещения. Мужские голоса, автомобильный шум – верные свидетельства того, что она попала в мир Джекоба.

Значит, все в порядке.

Шкура научила Лиску игнорировать страх, но все осложнялось, когда она боялась за Джекоба.

Лиска приоткрыла створку и выглянула наружу.

Такое впечатление, что один мир наложился на другой.

В первом царило запустение: поросший крапивой и дерном широкий двор, окруженные лесом брошенные здания. Но на фоне всего этого прорисовывались очертания другого пейзажа, едва намеченного и словно не предназначенного для посторонних глаз. Лиска уже встречалась с таким колдовством: тайные мосты, замки, пещеры, полные сокровищ, до поры невидимые, но возникающие из ничего по мановению руки или волшебному слову. Не так-то просто провести оборотня. И все же встретиться с этой магией в мире Джекоба она не ожидала.

Шпили и башни строений призрачного мира напомнили Лисе замки ее родины. Но высокие стеклянные фасады с металлическими опорами больше подходили городу Джекоба. За ними, среди деревьев, сверкали огромные котлы и посеребренные трубы. Над двумя полными воды бассейнами, слева от заброшенного двора, висели облака мерцающего пара.

Где она и кто прячется в этом заколдованном месте?

Сейчас не время об этом думать, Лиса. Где Джекоб?

Во двор въехал грузовик. Двое мужчин вышли из кабины и принялись за разгрузку. Их принадлежность к этому миру была столь очевидна, что сверкающие строения с башенками стали еще нереальнее. Один из них привел собаку величиной с теленка, и Лиса обрадовалась, что не успела надеть шкуру. Грузчики не заметили, как она выскользнула за ворота, но собака залаяла.

«Это лиса, лиса!» – распаялась она. Хозяин дал команду молчать и натянул поводок, однако насторожился. Лиска успела спрятаться за бочками. Она почуяла воду, вероятно где-то поблизости протекала река.

Она превратилась, лишь только собака и ее хозяин исчезли в заброшенном здании. В зверином облике Лиса видела заколдованный мир еще отчетливее: растения, бывшие для человеческого глаза лишь серебристыми тенями, рой травяных эльфов над кустарниками, дающими знаменитую эльфовую пыльцу. Всего этого здесь не должно было быть. Лиса закрутилась в подлеске, путая следы. Она чувствовала, что собака величиной с теленка здесь не единственная.

Перевернувшие дощатые ящики, ржавые бочки, выгнутая крышка из прозрачного пластика в траве между кирпичными стенами. От витавшего меж прозрачными зданиями запаха ее шерсть встала дыбом. Лиска не узнавала его, поэтому старалась держаться подальше как от строений с башенками, так и от бассейнов, над которыми висел мерцающий пар.

С ним все в порядке.

За деревьями показалось еще одно здание. Оно принадлежало к видимому миру и на первый взгляд выглядело таким же заброшенным, как и остальные. Однако в оконных проемах блестели серебряные решетки. Их прутья словно вырастали из кирпичей. Лиса уже не сомневалась, что Джекоб там. Чутье никогда ее не подводило.

С ним все в порядке. Или нет... Здание насквозь пропиталось испарениями страдания и смерти. Этот запах был едва уловим, словно его источник остался в далеком прошлом. Его перекрывал другой – живой, теплый, но тоже слабый, какой исходит от раненого зверя или человека.

Чтобы дотянуться до окна, ей снова пришлось принять человеческий облик. И голова сразу разбухла от бесполезных вопросов: что произошло? Каким образом зеркало здесь оказалось? Лиса встряхнулась. *Сейчас не время, или всю оставшуюся жизнь ты будешь мучиться одним-единственным вопросом: почему ты его не спасла, Лиска?*

Она прокладывала себе путь к окну сквозь заросли жгучей крапивы и груды гнилых досок, когда за спиной послышались шаги. Натягивать шкуру не оставалось времени, и Лиса шмыгнула за дерево, проклиная неуклюжее человеческое тело. Направлявшийся к зданию мужчина нес миску с едой. К счастью, его нос оказался не таким чувствительным, как у собаки – та никак не могла успокоиться. Проходя мимо дерева, за которым спряталась Лиска, он чуть не наступил ей на руку.

Лиса обратила внимание на лицо мужчины – словно вылепленное из глины, причем довольно неумело или без особого старания. Сердце ее подскочило к самому горлу, но не от страха, а от радости: мертвым еду не носят.

Теперь можно было надеяться, что Джекоб жив.

Мужчина с миской скрылся за зданием. Лиска слышала, как он отворяет дверь, и с трудом удержалась от того, чтобы не броситься следом. На первый взгляд она легко бы с ним справилась. Но Лиска еще не забыла поединок со слугой одного вампира из Каталонии, когда в решающий момент драки ее противник вдруг превратился в летучую мышь и пронзительным писком разбудил своего кровожадного господина. Кажется, прошла целая вечность, прежде чем человек с глиняным лицом появился снова. Он с кем-то разговаривал, а когда показался из-за угла, Лиска увидела в его руке телефон – еще одно напоминание о том, в каком мире она находилась.

Лиска еще не имела дела с замками такой конструкции, но она отворяла двери королевских могильников и живые шкатулки троллей. Прошмыгнув в здание, она спросила себя, от кого скрываются обитатели призрачного мира. Судя по поведению человека с глиняным лицом, он не видел мужчин, разгружавших машину.

Между грязными половицами здания тянулись серебристые нити – непрошенный гость, будь он невнимательным, непременно наступил бы на них. Подозрительными показались Лиске и цветы, выглядывавшие из-под облупившейся штукатурки. Уж больно они напоминали узор на рамке зеркала, через которое Лиска сюда попала. Их приторно-сладковатый аромат мешался с запахом плесени. Очевидно, цветы принадлежали к тому же миру, что и зеркало, травяные эльфы и призрачные дома с башенками. Внизу, среди крысиного помета и пятен стенного грибка, расставила капканы венерина мухоловка. Еще одна красивая ловушка. Сколько их еще здесь и в какую угодил Джекоб?

Лиска взяла след. Первая комната, куда она заглянула, оказалась пуста. По пыльному коридору Лиска вышла к лестнице, ведущей в подвал. Послышался шорох, потом сдавленное ругательство. Голос не показался Лиске знакомым, однако она не сомневалась, что Джекоб где-то здесь. Снаружи отъехала машина, потом полилась вода и пугающе громко заговорили голоса. Но они не приближались.

Цветы попадались и на лестнице, Лиска их старательно обходила. Из подвального помещения тянулся коридор с комнатами без окон по обе стороны. В дверных проемах мерцали серебряные решетки, почти невидимые даже для Лисы.

Каморки за решетками были пусты. Все, кроме последней, в глубине которой Лиска разглядела очертания человеческого тела. Джекоб лежал спиной к ней.

Лиска схватилась было за серебряные прутья, но пальцы прошли сквозь решетку, и она сжала пустые кулаки. Лиска отпрянула. На коже остался холодок призрачного металла.

– О, *bonjour*... или уже *bon soir*?² – Человек, сидевший на земле рядом с Джекобом, носил одежду этого мира. Он устало прислонился к стене затылком. Волосы у него были черные и вились так мелко, что походили на овечью шерсть. – А тебя я еще здесь не видел. У кого ты украла лицо? *Simonas*!³ – Мужчина вскочил и сжал кулаки, как боксер на ринге. – Опять отведешь меня к зеркалу, ты ведь за этим пришла? Мое лицо вам нравится, еще бы. Но Сильвен Фаулер не дастся вам так просто, *ma rise*⁴.

Как бы в подтверждение своих слов, кудрявый замахал кулаками в воздухе. Лиска едва не расхохоталась.

– Не стоит так горячиться, – ответила она. – Собственно, я пришла за ним. – Она показала на Джекоба. – Что с ним сделали?

Лиска вытащила из сумочки перчатки, которые не раз помогали ей избежать магических ловушек. Без всякой уверенности, что они подействуют и на этот раз.

– *Ostie de monop*. – Мужчина опустил кулаки. – Ты идиот, Сильвен. Не узнаешь себе подобных? Она же человек! – Он склонился над Джекобом. – Думаю, он в порядке. Разве нанюхался их пыльцы. Как ты его нашла? О, понимаю... любовь и все такое... – Мужчина вздохнул. – Не входи! С этой дверью дело нечисто. – Он закатал рукав. Рядом с татуировкой в виде кленового листа в огненных красках мерцала металлическая полоса. – Вот что получится, если попробуешь.

– Невидимая решетка. Обыкновенная камуфляжная магия.

Лиска надела перчатку и схватилась за прут. Ощущение по-прежнему было не из приятных.

– Кому... что? – Сильвен смотрел на нее как на ненормальную.

Сделав замок видимым, Лиска без труда его взломала. Перчатки серебристо блеснули, когда она стягивала их с руки. Кожа Джекоба была теплой, дыхание ровным, как у спящего. Лиска не находила следов колдовства, пока не нащупала на его левом виске под темными волосами крохотную булавочную головку. В Лотарингии детям рассказывали одну сказку – Лиска часто слышала ее от мамы, – в которой черт сотни лет держал принца в плену, вот так же, с серебряной булавкой в голове. И принц пришел в себя, лишь только его сестра вытащила булавку. В Зазеркалье часто имело смысл следовать примеру сказочных героев, но здесь другой мир.

– Я понесу его, – предложил Сильвен. – Надо перебраться через реку, весь остров у них в руках. Но это будет непросто, разве раздобыть лодку...

Приглядевшись, Лиска дала ему сорок с небольшим, хотя живые глаза и пухлые губы делали Сильвена похожим на повзрослевшего купидончика. Даже сломанный в нескольких местах нос не нарушал этого впечатления.

– Лодка не нужна, мы сделаем по-другому.

² Добрый день... добрый вечер? (*фр.*)

³ Бранное слово в Квебеке, канадском диалекте французского языка. Далее персонаж использует еще несколько подобных выражений, точный перевод их невозможен.

⁴ Крошка (*фр.*).

Мы? Но это невозможно, Лиса! Ты собираешься провести через зеркало незнакомого человека?

Тем не менее Сильвен был прав: без его помощи Джекоба ей отсюда не вытащить.

Кроме того, она смогла бы выведать у него что-нибудь полезное.

– Как ты здесь оказался?

Лиска постаралась, чтобы это прозвучало как бы между прочим.

– Я работал на них.

– На них?

Лиска потянула булавку, и по телу Джекоба пробежала дрожь.

– Компания «Имморталь», стекло и серебро. Я разгружал зеркала.

Зеркала. Спокойно, Лиса.

Джекоб снова вздрогнул, но булавка легко вышла из его головы.

– Tabarnak!⁵ У моей дочери такие же волосы, как у тебя, – бормотал Сильвен. – Я постоянно думаю о ней, с тех пор как впервые взглянул в это чертово зеркало. Maudite mardo!⁶ Проклятое стекло не только похищает твое лицо, оно что-то делает с мозгами, словно... кто-то порылся в твоих воспоминаниях, во всей гадости, которую ты предпочел бы забыть... Но с приятными воспоминаниями бывает еще хуже...

Очевидно, он имел в виду не то зеркало, через которое она сюда попала. В мире, откуда пришла Лиса, существовали разные волшебные зеркала. Одни из них исполняли желания, другие открывали правду. Попадались среди них и замаскированные ловушки. Опытные ведьмы плевали на стекло, чтобы убедиться, что на нем нет злых чар.

Джекоб зашевелился. Лиса повторила его имя не меньше дюжины раз, прежде чем он открыл глаза, словно подернутые серебряной пленкой.

– Лиса? – Он коснулся пальцами ее лица. – Я не вижу тебя.

Она была счастлива слышать его голос, но для радости оставалось так же мало времени, как и для беспокойства. Джекоб попытался опереться на правую руку и тут же застонал.

– Что у тебя с рукой?

– Долгая история...

Лиска помогла ему подняться. Джекоб был так слаб, что тут же упал на стенку.

– Надо дождаться темноты, – послышался голос Сильвена.

– Кто это? – Джекоб сощурился.

Похоже, различать очертания предметов он все же мог.

– Сильвен Калейб Фаулер, – представился Сильвен. – Похоже, у нас с вами общие враги.

Лучше было дождаться темноты, он прав. Но Лиске не терпелось выбраться наружу. В этом доме ей было худо.

– Ты можешь попробовать с лодкой, – бросила она Сильвену, волоча Джекоба к выходу. – Желаю удачи.

Сильвен выругался и пошел за ними. Лиска едва успела оттолкнуть его, когда он чуть не наступил на цветок на лестнице.

– Здесь полно ловушек, Сильвен, – прошипела она. – Ты не можешь их видеть, поэтому держись меня и ступай след в след.

Лиска сделала им обоим знак подождать и сорвала несколько цветов на ступеньках. Любое неосторожное движение или шаг – и хозяева подземелья могли поднять тревогу. Но до сих пор все оставалось тихо.

⁵ Черт возьми! (квебек.)

⁶ Проклятое дерьмо! (квебек.)

Лиска расчищала путь и прислушивалась, размышляя попутно, как ей протащить Джекоба через двор, в каморку, где стояло зеркало. Она видела только одну возможность сделать это незаметно, и для этого был нужен Сильвен.

Требовалось немалое терпение, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее их от двери. Лиска собрала волю в кулак. Чтобы Сильвен с Джекобом не наступили на серебряные нити, она накрыла половицы своим плащом.

– Ты хорошо знаешь это место? – спросила она Сильвена уже у выхода.

Снаружи все стихло. Беспokoившие ее голоса теперь доносились издалека.

– Конечно, я же несколько месяцев грузил их ящики. – Сильвен кивнул в сторону дома, откуда пришла Лиса. – Там они хранят зеркала, а там, – Сильвен показал на север, где Лиска видела серебряные трубы, – делают стекло. *Câlisse!* Проклятый остров на Ист-Ривер. Даже птицы здесь не живут. Моя жена... бывшая жена, – поправился он, – предупреждала меня. «Сильвен, – говорила она, – за что они тебе так платят, как ты думаешь? Это дьявольское место. Найди себе достойную работу». Но на достоинство хлеба не купишь...

– Тсс... – Лиска зажала ему рот рукой. – Или отправишься искать лодку.

Угроза подействовала. Сильвен тише мыши прошмыгнул за ними в дверь. Грузовая машина уже уехала, но появились новые гости: три кареты, которые Джекоб и Сильвен различали, вероятно, так же слабо, как и здание, перед которым они остановились. А может, их человеческим глазам кареты представлялись в виде трех автомобилей. Камуфляжная магия не только скрывает предметы от глаз, но иногда меняет их облик. Лиска вспомнила скорлупу лесного ореха, которую они с Джекобом как-то нашли в одной пещере. Для Джекоба это была всего лишь скорлупа, но Лиска видела в ней маленькую серебряную колыбельку.

Возле карет слонялись охранники с такими же, словно из глины вылепленными лицами, как у того, кто нес миску, однако вооруженные явно не магическими револьверами. Протащить мимо них Джекоба не было ни малейшего шанса. И как будто этого недостаточно, откуда-то из-за кареты вынырнул человек с собакой. Единственный человек из всех, кого видела Лиска, если только не обманывалась. Он казался значительно моложе охранников.

– Укройтесь за тем зданием, – шепнула Лиска Сильвену. – Там, где котлы, по другую сторону.

Тот уставился на нее с недоумением.

Он не видит котлов, Лиса. Так же как и карет.

Оставалось надеяться, что кусты, над которым порхали травяные эльфы, служили всего лишь источником пищи.

– Здание рядом с ржавым бензобаком, – уточнила Лиса.

Сильвен кивнул, но Джекоб еще сильнее сжал ее запястье:

– Что ты задумала?

Как будто сам не понимал. Просто ее план ему не нравился. Что ж, они выходили и не из таких передраг.

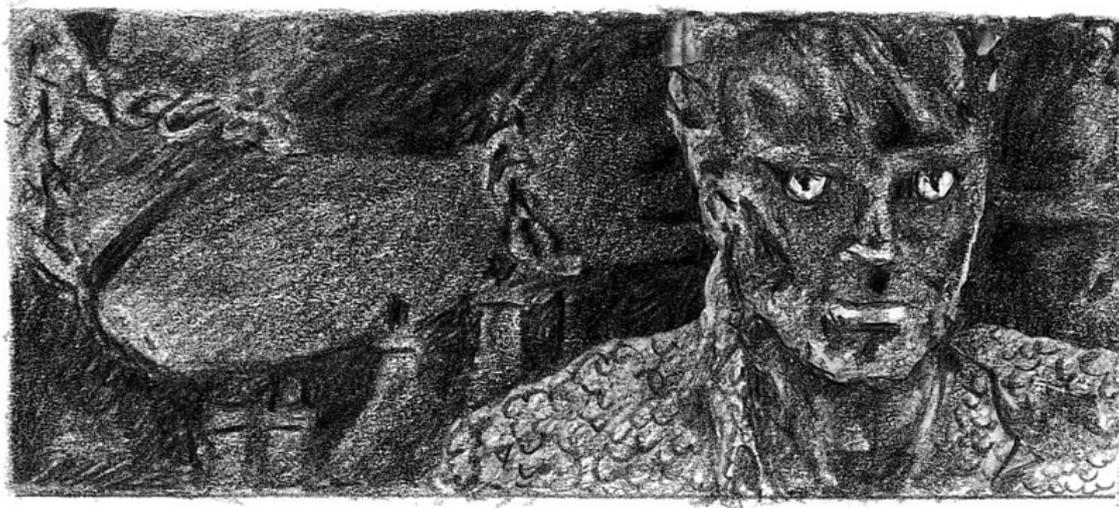
Пришло время показать, на что Лиса способна в его мире.

Собака подняла голову – они за милую чувствуют запах человеческого пота. Но Лиса приготовила ей более соблазнительную приманку.

Подождав, пока Сильвен с Джекобом не скрылись за деревьями, она прошмыгнула во двор. Один из охранников что-то крикнул другому, и оба схватились за оружие, пока Лиса у них на глазах меняла облик.

Потом она побежала. Прочь от того здания, где хранилось зеркало.

Братский долг

Шванштайн. В детстве Уилл часто засыпал с этим словом на устах. Сказочный город. Увиденное в то сумрачное утро его не разочаровало.

Церковь он разглядел, лишь только вышел из башни. Она служила ему ориентиром на пути к знаменитой корчме «У людоеда». Прохожие, у которых он спрашивал дорогу, подозрительно косились на его костюм, но отвечали. Названия улиц были Уиллу знакомы – брат упоминал о них.

Джекоб разозлился на то, что Уилл без спросу прошел за ним сквозь зеркало. Он никогда не брал его с собой, когда уезжал в Шванштайн. Ну а потом нефритовая кожа сделала это путешествие невозможным.

Джекоб хорошо хранил свои тайны, поэтому здесь никто не знал о существовании у него младшего брата. Уилл же, напротив, ничего не умел скрывать, у него все было написано на лице; даже когда он приносил из школы плохие оценки, мать сразу это видела. Но кое-что ему все же удалось утаить от брата: он не признался Джекобу, что до мелочей запомнил все увиденное в Зазеркалье. Пусть даже многие воспоминания и казались чужими.

Запах табака и пролитого вина, заслонка от печи деткоежки на стене и рука людоеда над барной стойкой. Джекоб так часто описывал заведение Альберта Хануты, что, ступив под темные своды корчмы, Уилл сразу почувствовал себя в знакомой обстановке. Как часто мечтал он в детстве увидеть эти трофеи и посидеть за кружкой пива с братом, обсуждая план предстоящей вылазки.

– Закрыто!

Выцветшие пепельные волосы, очки с круглыми стеклами... Тобиас Венцель! О нем Джекоб рассказал Уиллу лишь после своего последнего путешествия в Зазеркалье. Повар Хануты потерял ногу на войне с гоилами, а ведь Уилл был когда-то телохранителем их короля. Оставалось радоваться, что последние следы нефрита давно сошли с его кожи.

– Лиса здесь? – Он никак не мог запомнить ее человеческое имя. – Я брат Джекоба Бесшабашного, Уилл.

Венцель доковылял до стола, опираясь на трость. Вся она была украшена полудрагоценными камнями. Рубин, яшма, лунный камень – на лацканах гоильских мундиров они обозначали воинский чин.

Уилл тряхнул головой, прогоняя воспоминания.

– Ее здесь нет. – Венцель плеснул себе в стакан шнапса. Судя по грязи на столах, у него была тяжелая ночь. – Я и не знал, что у Джекоба есть брат.

Он смотрел на Уилла недоверчиво, но с любопытством.

Значит, Лиски нет. Так что с того? Уилл явился сюда не только затем, чтобы сказать ей, что вот уже несколько дней не получал вестей от Джекоба. Он надеялся, что Лиска укажет ему дорогу к Фее. Одно время Уилл думал спросить об этом у Хануты, но, судя по тому, что рассказывал о нем Джекоб, с утра корчмарь пребывал еще в худшем настроении, чем его повар.

– Могу я оставить для нее записку?

Венцель одним глотком осушил стакан.

– Разумеется.

Единственной бумажкой в карманах Уилла оказался билет на спектакль, который они с Кларой смотрели в театре пару недель назад.

Все свершится, как предначертано.

Уилл уселся за стол. С чего начать? Несмотря на пережитые вместе приключения, Лиска до сих пор его чуралась. Венцель не сводил с него глаз, и Уилл снова убрал бумажку. Может, в комнате Джекоба отыщется какая-нибудь одежда, чтобы меньше бросаться в глаза?

Из двери за барной стойкой вышла девочка лет девяти, похожая на ошипанную курицу, и с недоумением уставилась на Уилла. Она поднесла к одному из столов ведро с водой и выпустила из кармана передника троих дупляков. О существовании этого племени Уилл впервые узнал в свой шестнадцатый день рождения, когда Джекоб преподнес ему в подарок крохотную курточку. Брат никогда не забывал поздравить его с днем рождения, и каждый год Уилл, как маленький, трепетал в предвкушении подарка. Клара оставалась единственной, кому Уилл их показывал.

Полагаю, ты уже пытался разбудить ее поцелуем?

Дупляки принялись протирать грязные стаканы, и Уилл снова достал ручку и листок. Написать ли ей о том, что Клара впала в смертный сон, а незнакомец на «скамье слез» заверил Уилла, что именно ему суждено восстановить нарушенный порядок?

Он свернул бумажку и сунул в карман.

Дупляки брызгались водой, гремели посудой и, будучи ростом не выше стакана, производили на удивление много шума. Увлеченный их проделками, даже Венцель не сразу заметил, как в корчму вошел гоил, а когда обернулся, тот уже стоял посреди зала.

Дупляки едва взглянули на непрошеного гостя и снова принялись за свое. Зато девочка едва не опрокинула ведро от страха, а лицо Венцеля стало белее мела.

– Я знаю, что вы уже закрыты, – бросил гоил, предупреждая его возражения. – Я всего лишь хотел кое о чем спросить.

Уилл успел забыть, как звучат их голоса. Забыть золотой блеск глаз, матово-красную кожу короля и яшмовую – его верного пса. Неужели это происходило с ним? Голова снова разбухла от воспоминаний.

Но кожа этого гоила была из благородного оникса, разве только с необычными зелеными вкраплениями. И одет он был не в мундир, как его соплеменники, попадавшие на Уиллу на улицах Шванштайна, а в куртку из шкур ящериц, которых Уилл собственными глазами видел на берегу одного из подземных озер.

– Я готов обслуживать таких, как ты, но вот болтать с тобой не нанимался, – прошипел Венцель и стукнул о стойку тростью так, что дупляки разом вздрогнули.

Гоил оскалился в улыбке. Ростом он был поменьше большинства своих собратьев.

– А я вижу, ты забыл, кто нынче хозяин в этой дыре? Это может стоить тебе второй ноги.

В широко раскрытых глазах девочки застыл ужас, смешанный с восхищением. Но она снова склонилась над грязным столом, поймав взгляд Венцеля.

– Человек, который мне нужен, обычно останавливается здесь, – гоил посмотрел на руку людоеда над стойкой, – хотя, безусловно, мог бы подыскать себе жилье получше. Джекоб Бесшабашный!

Венцель повернулся спиной к Уиллу и шикнул на дупляков, чтобы возвращались к работе.

– Бесшабашный не показывался здесь уже несколько месяцев. Но если б я и знал, где он скрывается, не понимаю, с какой стати я должен докладывать об этом каждому булыжнику?

– В самом деле... – хмыкнул гоил, разглядывая свои когти. – Но даже если ты и в самом деле такой дурак, каким выглядишь, ты мог бы найти тому по крайней мере несколько причин. Передай Бесшабашному, что его ищет Бастард. А он всегда находит то, что ищет, и Бесшабашному известно об этом, как никому другому.

– Я передам Джекобу, что его спрашивал какой-то безмозглый гоил, – отвечал Венцель, – а там пусть понимает как хочет.

Уилл поднялся из-за стола и облокотился на стойку рядом с непрошеным гостем, но тот едва взглянул на него. Уилл вспомнил, какое отвращение вызывал у него когда-то один только вид человеческой кожи.

– Что вам нужно от Джекоба Бесшабашного?

– Есть одно дельце... – гоил запустил руку в сумку и выложил на стойку лунный камень, – хотя не понимаю, с какой стати мне докладывать об этом каждой улитке... Бесшабашный кое-что украл у меня, скажем так. Если откроешь мне, где он прячется, получишь вот это. Потому что он, – гоил кивнул на Венцеля, – не заслуживает.

Лунный камень красного цвета. Уилл так и застыл с разинутым ртом.

Такие носила на воротниках личная охрана короля.

– Я всего лишь слышал о нем, – пробормотал он. – Вы ведь имеете в виду знаменитого охотника за сокровищами? В любом случае то, что он вор, для меня новость.

Уилл опустил голову. Он знал, как легко читают гоилы по человеческим лицам.

– Я передумал насчет записки, – обратился Уилл к Венцелю. – Но я должен передать кое-что Темной Фее. Не подскажите, как мне ее найти?

– Никто не знает, где она прячется. – Венцель озорно прищурился, заглядывая гоилу в глаза. – Ведь Фея покинула Кмена. Теперь посмотрим, как истуканы выигрывают битвы без ее колдовства.

– Темная Фея... – (Уилл почувствовал на себе взгляд Оникса.) – Разве мама не рассказывала тебе, что она делает с влюбленными идиотами? Фея превратит тебя в мотылька прежде, чем ты успеешь взглянуть на нее. – Он спрятал камень в сумку, выхватив его из-под носа у дупляка, который уже тянул к нему руки.

– Ты знаешь, где она?

Тут дупляки о чем-то заспорили, что со стороны походило на стрекотание сверчков.

– Даже если бы и знал, с какой стати мне докладывать об этом каждой улитке? – повторил гоил. – Читай газеты. Сейчас они только и пишут о том, как Темная Фея покинула Виенну.

– Вместе со своей магией, – подхватил Венцель, поднимая стакан с водкой. – Человекогоилы снова превращаются в людей. Скоро у вашего короля не останется солдат.

Бастард постучал когтем о край стакана на барной стойке.

– Останется вполне достаточно, – возразил он Венцелю. – И потом, кто сказал, что они будут сражаться на вашей стороне, даже с мягкой кожей? Может, они предпочтут умереть за короля, который не отлавливает новобранцев по деревням, словно зайцев, и не покупает их в колониях на деньги своей любовницы.

Умереть за короля... Уилл застыл, не в силах оторвать глаз от его черных когтей. Острые как бритва. Такими можно без труда вскрыть человеческий череп. Воспоминания хлынули потоком. Он снова стоял в церкви, защищая своим телом Кмена.

Все это время гоил внимательно его разглядывал.

– Ну, желаю удачи, – проговорил он наконец и схватил со стойки бутылку шнапса, прежде чем Венцель успел ему помешать. – Только знаешь, – Оникс снова повернулся к Уиллу, – у тебя могут появиться конкуренты. Амалия назначила за поимку Феи хорошую награду: рубин, который был на ней в день свадьбы. – Гоил отправил бутылку в рюкзак и бросил на стойку несколько монет. – А этот камешек стоит побольше, чем австрийские земли вкупе со всем, что на них стоит. Ее мать украла рубин у князя Оникса.

В корчму вошли еще двое посетителей. Как и все люди, они покосились на гоила со смешанным выражением отвращения и страха и даже скривились, когда тот проходил мимо них. В дверях Бастард обернулся и, взглянув на Уилла, прижал к груди сжатую в кулак руку.

Уилл спешно запустил ладонь в сумку, потому что почувствовал, как пальцы сами сжимаются в ответном жесте. За его спиной Венцель и новые гости на чем свет стоит честили каменных истуканов и вслух мечтали о новой жизни, когда всех гоилов загонят под землю, где они задохнутся, как крысы. Один из посетителей, до того бледный, что действительно напомнил улитку, высказал интересную мысль: как хорошо было бы с практической точки зрения, если бы после смерти гоилы окаменевали. Какие сокровища можно было бы извлекать из их трупов!

Он всегда находит то, что ищет.

Уилл вышел на площадь, где крестьяне расставляли палатки и раскладывали на прилавках товар. В базарный день, кроме обычных фруктов, овощей и ощипанных птичьих тушек, покупателям могли предложить говорящего осла или парочку дупляков. Но Уиллу нужна была всего лишь лошадь и немного еды в дорогу. Озирая торговые ряды, он заметил Бастарда на противоположной стороне площади. Оникс стоял, прислонясь к арке, с высоты которой на шванштайнских бургеров взирала каменная голова единорога. Толпа шарахалась от гоила и обтекала его по широкой дуге, что, судя по всему, порядком его забавляло.

– Что такое? – Взгляд Бастарда скользнул по лицу Уилла. – Я все еще не могу открыть тебе, где скрывается Фея.

Малахит. Только сейчас Уилл вспомнил название зеленого камня, испещрившего лицо Оникса зелеными прожилками. Он и сам не помнил, где его слышал.

– Я брат Джекоба Бешабашного.

– И что мне теперь делать? – Бастард насмешливо сощурился. – Ахать или умиляться? Он ведь повсюду таскает с собой твою фотографию – трогательно, да? Лично я избавлен от такого рода соперничества и не устаю благодарить за это свою мать.

– Но Джекоб не вор. Зачем ты сказал, что он тебя обокрал?

Взгляд Бастарда будто проникал ему под кожу. Или там еще оставался нефрит?

– Жаль лишать тебя этой иллюзии, даже если у тебя их целый мешок в запасе, но Джекоб Бешабашный вор и лжец.

Уилл отвернулся, чтобы Оникс не видел его лица. Злоба подобна скорпиону, выползающему из самого темного уголка человеческого сердца. Абсолютная невозмутимость – вот что больше всего пугало людей в гоилах. Одно только выражение ненависти или страха на лице считалось у каменного народа признаком безумия.

– О, а ты гораздо несдержанней своего брата, – произнес насмешливый голос Бастарда. – Так, значит, тебе нужно отыскать Темную Фею?

Уилл снова повернулся к нему лицом.

– У меня нет денег.

– Короли платят Бастарду достаточно.

Оникс резко оттолкнулся от стены.

– Я хочу получить обратно то, что украл у меня твой брат. Можешь помочь мне в этом?

– Что это?

Бастард огляделся. Проходившая мимо девушка остановилась, почувствовав на себе взгляд его золотых зрачков.

– Бездонный кисет. Выглядит как пустой, но то, что в нем, принадлежит мне.

Две кумушки выпучили на Оникса глаза, словно увидели черта. Гоил цыкнул на них, и они поспешили прочь.

– Арбалет, – шепотом уточнил Бастард. – Так, ничего особенного, фамильная реликвия.

Лгать он не умел или даже не пытался.

– Я знаю, что за дело у тебя к Темной Фее, – спешно продолжал гоил, наклонившись к уху Уилла, – но о брате Бесшабашного рассказывают интересные истории. Будто он получил от Феи кожу из священного камня, но Джекоб отнял ее при помощи колдовства.

Сердце Уилла заколотилось как сумасшедшее.

Гоил вытащил из-под куртки амулет, который висел у него на шее, – кусочек нефрита.

– На твоём месте я бы тоже искал ее. Кто по доброй воле променяет благородный камень на улиточью мякоть?

– Так оно и есть, – закивал Уилл. – Ты правильно все понял. И никто не поможет мне, кроме Феи.

Уилл поднял глаза к каменной голове над аркой. Джекоб много лгал ему о шрамах на его спине, пока наконец Уилл не узнал, что это следы ран, оставленные единорогами. Смог бы Джекоб теперь поверить, что Уилл хочет вернуть себе нефритовую кожу?

– Думаю, нам имеет смысл заключить сделку, – раздался голос Бастарда. Нефритовый амулет снова исчез под курткой. – Заодно покажешь мне зеркало, через которое ты сюда попал. – Гоил опять оскалился в улыбке. – Это ведь совсем рядом, правда? Стоит только взглянуть на твой костюм – у нас в Шванштайне никто так не одевается.

Уилл старался не смотреть в сторону холмов с замковыми руинами. Гоил в том мире? И кто будет следующим, деткоежка? Острозуб, который напал на него, когда Уилл в первый раз прошел через зеркало? Он уже подумывал спросить Оникса о незнакомце, всучившем ему кисет с арбалетом, но сдержался.

– Что за зеркало? – Уилл в недоумении уставился на Бастарда. – О чем ты, не понимаю? Но если хочешь заключить со мной сделку, почему бы и нет.

Гоил опасливо оглянулся на корчму:

– Ну вот и отлично.

На дорогах королевства

Люди. Королевство кишело ими, как пруд – комариными личинками.

Смертные деятельны. Поля, города, дороги... Они пересоздали природу на свой вкус, спрямили, подровняли, приручили, зачистили. Было ли ей все это так омерзительно до того, как Кмен взял в супруги одну из них? Темная Фея не хотела углубляться в воспоминания. Она дала волю гневу, ненависти, отвращению, пусть даже все это окончательно вымывало из ее сердца то, что осталось от любви.

Фея не избегала их поселений, к чему такие сложности? Она хотела показать, что ничего не боится, даже если вслед ей летели камни, а по обочинам горели соломенные чучела. Она видела мелькавшие за гардинами лица, когда Хитира гнал лошадей мимо домов: «Да, это она, чертова ведьма... Она убила ребенка своего неверного любовника, у нее нет сердца».

Как много деревень, городов... Смертные расплозились по земле, как плесень. И у каждого из них было лицо Амалии.

Днем она спала. Иногда приказывала моли постелить ей ложе возле какой-нибудь церквушки, статуи или ратуши. Лишь после того как Доннерсмарк, пока он стерег ее сон, едва не убили из ружья, стала избегать открытых мест и останавливаться в лесу. Странно, что при таком количестве фабрик и печей здесь еще уцелели деревья.

Иногда Доннерсмарк выбирался в одно из поселений разузнать, что происходит в Виенне. Он рассказал, что рубин, назначенный Амалией за голову Темной Феи, уже стоил жизни шести женщинам, которых по оплошности приняли за неудачливую соперницу королевы. Горбун и Морж объявили о готовности немедленно предоставить Фее убежище на своих землях. За какую же дуру они ее держат! Нет, она не собирается ни выставить свою силу на аукцион, ни искать покровительства очередного коронованного любовника. Да и кто из них сравнится с королем гоилов? Она любила лучшего из них, и он ее предал.

Привозил Доннерсмарк и известия о Кмене. Он старался произносить это имя небрежно, словно каменный король был одним из многих. Темную Фею трогала эта забота. Старый солдат всеми силами стремился оградить ее от последних потрясений – предательства, злобы, унижения. А ведь Кмен до сих пор ни слова не сказал в ее защиту.

Он заключил мир с повстанцами на севере и вел переговоры с самозванным ониковым королем. Вероятно, преимущество Кмена перед его противниками состояло в том, что все они воевали только ради обогащения. Солдаты неохотно умирают за золото в офицерских сумках, зато месть – достойный мотив для поддержания боевого духа. Кмен сражался, чтобы воздать должное врагам. Он чувствовал себя лисицей, подкарауливавшей в засаде охотников.

И она все еще была на его стороне.

Хитира правил по ночным дорогам, проложенным солдатами Кмена, и в ее пустой груди гнетущая тоска сменялась гневом. От прошлого не оторваться, как бы ни гнал лошадей ее мертвый кучер. Фея жила в воспоминаниях, и они, а не то, что мелькало за окнами кареты, были ее единственной реальностью.

Сможет ли она когда-нибудь стать для Кмена тем, чем была? Хочет ли?

Они передвигались только ночью, но и тогда по обочинам дороги попадались группы вооруженных людей, выпивших достаточно, чтобы ощутить в себе силы вступить в единоборство с Феей. С большинством из них Доннерсмарк справлялся в одиночку, даже если в руках нападавших сверкали серпы и топоры, а за спинами дымились бочки с кипящей смолой. Иногда хватало одного взгляда Хитиры, чтобы храбрецы разбежались прочь, но когда однажды среди них оказалась женщина, Фея не смогла удержаться от того, чтобы не наслать на нее своих мотыльков, и потом представляла себе, что это Амалия корчится в предсмертных судорогах на дороге.

Разумеется, Фею интересовало, ищет ли ее Кмен до сих пор. На четвертый день после того, как она выехала из Виенны, шестеро гоильских солдат вышли из леса и преградили карете путь. На вопрос Доннерсмарка, кто их послал, они не ответили и стояли как истуканы, уставив глаза в землю, когда Фея вышла из кареты. Еще бы! Хентцау наставлял их не смотреть на «чертову ведьму». Но Фея заставила их поднять глаза, после чего они еще долго ковыляли за каретой. Хитира не обращал на них внимания, но Доннерсмарк поминутно обращивался. А когда солдаты скрылись в ночи, в его глазах мелькнул страх. Словно он предчувствовал, что это заклятие может обратиться против него.

Слепота

В отдалении лаяли собаки. Не существует более ненавистного звука для того, кому жизнь лисы стала дороже собственной. Джекоб останавливался, оглядывался, но Сильвен, чей широкоплечий силуэт только и различали его подернутые серебряной пленкой глаза, тянул его дальше. Мир состоял из теней и серебра, из того, что можно нащупать пальцами, и из собачьего лая.

Сколько раз она еще будет рисковать ради него?

Нельзя было проводить ее сквозь зеркало... Впрочем, что толку теперь терзаться, Лиса тогда решила все сама.

Джекоб замер. Выстрелы – единственное, что пугало его больше, чем лай.

Сильвен сыпал проклятиями. Французскими – или нет, пожалуй, на квебеке. В Зазеркалье часть Канады все еще принадлежала Лотарингии, но Джекобу бывать там пока не доводилось.

Будь они по ту сторону, Джекоб непременно решил бы, что они заплутали в Черном лесу. Даже кирпич обветренной стены на ощупь был такой же, как у ведьминых домов. До сих пор зеркало было единственной связью между двумя мирами, но эльфы все изменили. И усложнили.

Сильвен приоткрыл ворота и втокнул его внутрь. Там стояла такая темень, что поводырь спотыкался не меньше слепого. Джекоб нащупал какие-то ящики и стекло – и невольно отдернул руку.

– Где мы?

– Там, куда я должен был тебя привести. На их складе. *Bout de ciarge!* Твоя подружка сумасшедшая, лучше бы мы переправились через реку.

– И что здесь хранится?

– Их зеркала, что же еще. *Maudit Tabarnak'Ostie d'Calisse! Ciboire!* – Брань хлынула из Сильвена, как морская вода из пробоины в борту терпящего крушение судна.

Сильвен Калев Фаулер имел все шансы выйти победителем из турнира по ругани, какие устраивают карлики.

Джекоб прислонился к штабелям ящиков и прикрыл глаза, чтобы голова так не гудела. Если зрение не вернется, ему придется подыскивать новую работу. С другой стороны, силы

в руках как будто прибыло. Очень может быть, причиной тому булавка. Того, кто воткнул ее Джекобу в висок, эльфы будто вылепили из глины. Модель экономкласса, в отличие от Шестнадцатого с Семнадцатым.

Джекоб не мог забыть их ни на минуту. Ни ту, с лицом Клары, ни эльфа... *Твоя мать так ничего и не заподозрила.* Кто на самом деле гулял с ними в парке, кто целовал мать на кухне? Какие из его воспоминаний об отце – на самом деле об Игроке? *В этом мире мы можем иметь детей от смертных женщин.* Было время, когда Джекоб желал себе другого отца, но не такого. *Прекрати. Он не отец ни тебе, ни Уиллу.* Откуда такая уверенность?

Собаки все еще заливались, но больше никто не стрелял. Быть может, потому, что последний выстрел оказался удачным.

– Почему они тебя схватили? – спросил он Сильвена.

Нужно было на что-то отвлечься. Иначе Джекоб сошел бы с ума, вслушиваясь в звуки снаружи.

– Это все мое любопытство, – вздохнул Сильвен. – И потом, мне нравится их пыльца.

– Пыльцу?

– Да. Ничего не скажешь – у них хорошие поставщики. Мешочек сегодня, мешочек завтра... То еще снадобье. Это возвращает желание жить, если понимаешь. Но так оно только первые дни, потом становится совсем плохо, как будто кто-то вынул из тебя сердце.

Похоже, он говорил об эльфовой пыльце. Но как они получают ее здесь без травяных эльфов?

Хотя почему без них, Джекоб? Что, если они посылают за ними в Зазеркалье болванов с глиняными лицами? Или Шестнадцатую с Семнадцатым и пятнадцать остальных?

Но почему тогда он до сих пор о них ничего здесь не слышал?

Потому, что они выглядят как люди, Джекоб.

Что ж, может быть.

– Я не хотел терять это место, работа не пыльная, – бормотал Сильвен. – Даже притом, что я месяцами не видел ни одного человеческого лица. И мне действительно хорошо платили. И дальше платили бы. Если бы только я однажды не увидел зеркального человечка. *Siboige!* Джун тысячу раз предупреждала меня – это моя жена, бывшая жена... «Сильвен, не суй свой перебитый нос не в свои дела». Но меня подвело любопытство, *Simonac.* Или я мало страдал в детстве!

– И кому они поставляют зеркала?

– В отели, рестораны, гостиницы, офисы, магазины... эта продукция пользуется спросом. Никто ни о чем не подозревает, с какой стати? Вот и я как-то решил посмотреть на себя вблизи. В конце концов, я месяцами напролет таскал эти ящики, а дверь в сарай редко бывала заперта. Мне стало не по себе от того, что я там увидел. Поначалу думал, все дело в моей глупой физиономии, но оказалось, нет... Они не только крадут у тебя лицо, они кое-что возвращают, хочешь ты того или нет... все, о чем ты давно забыл и предпочел бы не вспоминать.

Похоже, Сильвен был прав. Джекоб и сам удивлялся, как часто в последнее время думает о своих школьных учителях, давнишних соседях и друзьях детства. И о своей матери. «Джекоб, иди сюда!» – он буквально чувствовал ее поцелуи на лице. И это притом, что мать он вспоминал так же редко, как и отца. Возможно, дело было в том, что и она всегда предпочитала ему Уилла.

Залаяла собака, и Джекоб дернулся с места.

– Куда ты? – разволновался Сильвен.

– Я не могу торчать здесь, когда она там. Я должен посмотреть, что с ней.

– *Sosombre*, что ты увидишь, ты ж почти слепой! – Сильвен снова толкнул его на ящики.

Снаружи опять стало тихо. Невыносимо тихо. Черт, где она так долго пропадает?

– А ты видел зеркальных человечков?

Судя по голосу Сильвена, он связывал с этими встречами не самые приятные воспоминания.

– Да, – кивнул Джекоб.

«Видел бы ты их создателя», – мысленно добавил он.

– Я стоял здесь, среди всех этих ящиков, когда мне пришло это в голову. «Сильвен, – сказал себе я. – Почему бы тебе не захватить с собой одно маленькое зеркальце. Всего одно, ведь их здесь так много... Джун понравится». Я думал, они ничего не заметят. Да еще эта пыльца... Возомнил от нее, что весь мир у моих ног. И тут я увидел его, человека из серебра. Мне вдруг стало так жарко, а он оказался рядом со мной, как будто всегда ходил за мной следом. На его коже все отражалось как в зеркале, а потом появилось лицо и все остальное, Simonas. «Сильвен, – сказал я себе, – ты был прав. Инопланетяне уже здесь». И я его ударил. Я ведь неплохой боксер, как-никак, кубок чемпионата Канады в тяжелом весе – единственный из моих подарков, который Джун пожелала сохранить... Но ударить... это была не очень хорошая идея.

Джекоб зажал ему рот. Кто-то толкнул дверь, громкие мужские голоса тут же погасили затеплившуюся было надежду. Вошедшие казались такими же людьми, как и Сильвен, и, к счастью, не тронули ящиков, за которыми прятались беглецы. Дверь открывалась еще два раза, но возня ограничивалась дальним углом склада. Лиса не появлялась. Теперь Джекобу было все равно, должен ли он что-нибудь эльфу и что это для него значит, будет ли он до конца жизни смотреть сквозь эту серебряную пленку и кто носит лицо его отца. Только бы она вернулась.

Час проходил за часом. Сильвен рассказывал о канадских кузенах и девушке, ради которой он подался в Нью-Йорк, а Джекоб впервые за долгие годы вспомнил о единственном школьном учителе, который не считал его круглым идиотом. А потом еще ту ночь, когда Ханута едва не пристрелил его по пьяни.

Наконец раздался шорох, едва слышный.

Щелкнул замок. Послышались шаги, такие легкие, что ошибиться было невозможно.

– Джекоб? – Этот голос будто сорвался с его губ, так долго он звучал у него в голове.

Он четко различал ее силуэт, несмотря на туман перед глазами. «Я люблю тебя, сильно-сильно...» – разве Джекоб это сказал? Он не мог, эта тема стала запретной, с тех пор как эльф купил его сердце.

– И что теперь? – бурчал над ухом Сильвен. – Зачем ты велела мне сюда его притащить? Maudite Marde, теперь мы сидим в ловушке.

Лиса его не слушала.

– Зеркало из кабинета твоего отца, – прошептала она Джекобу, – оно здесь.

Здесь? Мысли в его больной голове зашевелились.

– Что с Уиллом, где Клара?

– Вы здесь единственные пленники. – Она схватила его за руку. – Мы вернемся, как только ты снова сможешь видеть.

Сильвен насупился, как ребенок, когда ему предложили приблизиться к зеркалу. В конце концов Лиса схватила его руку и прижала к стеклу. Сильвен Калев Фаулер исчез – и зеркало перестало быть только их тайной. Если, конечно, когда-нибудь было. Судя по всему, Игрок всегда знал о нем.

Это как пройти через дверь

– Ауоуе! Та-bar-nak!

Возня. Сопение. Джекобу померещились очертания башенного окна, на фоне которого выступил силуэт его бывшего сокамерника, судя по всему с кем-то боровшегося. Кто бы ни был его соперник, Сильвен победил.

– St-Ciboire! – Он склонился к распростертому у его ног неподвижному телу. – Он на меня набросился, клянусь! Ah ben Tabarnak! – Сильвен брезгливо поморщился, голос его дрожал.

– Это острозуб, Сильвен.

– Кто? Maudite Marde, кажется, я сломал ему шею.

Последняя реплика прозвучала подавленно. Что ж, по крайней мере, они не притащили в Зазеркалье хладнокровного убийцу.

Джекоб вот уже несколько лет пытался поймать старого кровососа, когда-то приветствовавшего его в этом мире укусом в шею. Помимо всего прочего, острозуб воровал младенцев из колыбелей.

– Ну?

Лиса посмотрела на Джекоба, который едва различал мерцающее пятно зеркала. Трудно было представить, что по другую его сторону не кабинет отца, а складское помещение.

– Может, мне вернуться и поискать Уилла? – спросила Лиса и взяла Джекоба за руку.

– Нет, я сам схожу, как только снова прозрею.

Джекоб отвернулся и пошел вперед. На мгновение ему стало страшно: он представил себе, как эльф наблюдает за ними с той стороны. «У твоей Лисы будут красивые дети. Надеюсь, вы не заставите меня долго ждать». Джекоб стряхнул ее руку, как будто даже право прикасаться к ней продал эльфу.

Это такая игра, Джекоб, – запретный плод. После сделки с эльфом Лиска стала лишь более желанной. Но более или менее – цена одна.

Как ему хотелось разбить это зеркало, но что потом? Теперь окончательно стало ясно, что оно не одно, и пока другие не найдены, это остается единственной дорогой обратно.

– Где мы? – Сильвен встал у башенного окна. – Simonac! Похоже, что-то старинное... Старинное, без дураков.

Джекоб оглянулся на зеркало. Точнее, на пятно, которое различал вместе него.

– Подожди, пока они не придут сами, – угадала его мысли Лиска. – Иначе мы вынудим их разыскивать нас. Не будем усложнять.

Что бы он без нее делал? Нет, так просто он ее не отдаст. *Ты не имеешь на это права, Джекоб. Ты не смеешь даже думать об этом.*

Никогда. Как же он ненавидел это слово!

Лиска спустилась первой. Джекоб едва не сломал себе шею, когда последовал за ней, вцепившись в закрепленную на окне веревку. Казалось, лишь чудо помогло ему спуститься на землю невредимым. Лиса привалила к двери парочку камней, чтобы в следующий раз было видно, пользовался ли кто-нибудь потайным ходом в их отсутствие.

– Tabarnak! Там такой крохотный человечек! Я знал, что это зеркало творит дьявольщину, но чтоб такое...

Похоже, Сильвен встретил своего первого дупляка. Впервые за все эти годы они провели в Зазеркалье чужака, которому теперь ничто не мешало выболтать их тайну кому угодно в том или другом мире. Джекоб вздохнул. До сих пор он не рассказывал о зеркале даже Хануте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.